

Альбина Гумерова

ПЕРЕД
СОЛНЦЕМ
В ПЯТНИЦУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ **18+**

Ковчег (ИД Городец)

Альбина Гумерова

Перед солнцем в пятницу

ИД «Городец»

2021

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

Гумерова А.

Перед солнцем в пятницу / А. Гумерова — ИД «Городец»,
2021 — (Ковчег (ИД Городец))

ISBN 978-5-907220-85-0

«Перед солнцем в пятницу» – вторая книга прозаика и драматурга Альбины Гумеровой, куда вошли рассказы разных лет и повесть, посвященная отцу. Героев этой книги объединяет надежда на лучшую жизнь, все они так или иначе стремятся к счастью, внутреннему покою, гармонии, которых достигают не столько путем улучшения внешних обстоятельств, сколько благодаря работе души. «Чтобы жить, чтобы сберечь в себе Человека, нужно заставить душу работать, даже пахать!» – говорит Альбина Гумерова, напоминая нам: душа красива у всякого, душа способна на чудо, на великие перемены. Только мы забыли об этом. Не желаем думать, чувствовать, любить, принимать, смиряться, помогать ближнему – и потому глубоко несчастны... И даже если в четверг не будет дождика, то в пятницу непременно выглянет солнце, и жизнь, какой бы она ни была – уже сама по себе прекрасная, – обязательно продолжится. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907220-85-0

© Гумерова А., 2021

© ИД «Городец», 2021

Содержание

Рассказы	6
Родился. Женился. Умер	6
Стакан из-под кефира	13
Взгоды и урядицы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Альбина Гумерова Перед солнцем в пятницу

Альбина Гумерова – прозаик, драматург, актриса. Родилась 8 мая 1984 года в Казани. Окончила Казанское театральное училище, Литературный институт им. А.М. Горького и ВГИК по специальности «кинодраматургия». Публиковалась в журналах «Идель», «Русское эхо», «Странник», «День и Ночь», «Урал», «Звезда» и других.

Финалист премии «Дебют-2013» в номинации «малая проза», лауреат премии им. В.П. Астафьева в номинации «проза» за повесть «Кройка и житьё». Автор книги «Дамдых», вышедшей в серии «Ковчег» (ИД «Городец», 2019).

«Альбина оказалась одной из самых талантливых студенток в моем семинаре – очень чуткая, нервная, ни с кем не согласная. Не похожая ни на кого. Училась жадно, торопливо, стремительно, всегда свое мнение, свой взгляд, свое слово. Не вдоль, а поперек. И такой же поперечной была ее проза. Упорства, воли в этой маленькой, хрупкой, большеглазой татарской девочке оказалось так много, что впору было с кем-нибудь поделиться. Но она не из тех, кто делится. Все у нее идет в ее жизнь, в ее книги, в ее судьбу – напрямую, бережно, с любовью, нежностью и злостью. Прочтите – не пожалеете».

*Алексей Варламов, писатель, ректор
Литературного института им. А.М. Горького*

© А. Гумерова, 2021

© ИД «Городец», 2021

Рассказы

Родился. Женился. Умер

Деду

Был он не первым и не последним в семье. Родился – родился, обычное дело. Назвали Шагитом. Он получил нужную порцию материнского молока, потом начал питаться тем, что готовили в большом котле для всей семьи. Шагит еще не ходил в школу, когда началась война. В первые же месяцы к ним в деревню привезли горстку замученных дорогой, некогда перепуганных, а теперь уставших, равнодушных людей и расселили по деревенским домишкам.

В огромную семью Шагита попала русская женщина по имени Рая. У нее была дочь десяти лет. Им выделили угол за печкой и отгородили ситцевой занавеской. Рая не понимала татарскую речь хозяев, очень стеснялась, думая, что говорят о ней. Но все, что перепадало в ее адрес, – это несчастное «маржд»¹.

Шагит подружился с дочерью Раи и пытался говорить с ней на русском. Она с ним – на татарском. Часто объяснялись жестами, а позже понимали друг друга с полувзгляда. Родителям не нравилась эта странная дружба – многие деревенские татары считали русских ужасно неаккуратным и нечистоплотным народом. Раю тоже не жаловали, однако ели все за одним столом и после работы не брезговали пищей, приготовленной «грязными» русскими руками.

У дочери Раи не было ни галош, ни лаптей, и это вынуждало ее ходить в школу босиком. Поздней осенью Шагит, спрятавшись за воротами, быстро снимал свои галоши, помогал обуться ей, а сам шлепал в школу по холодным октябрьским лужам. И однажды увидел, как ее маленькая озябшая ножка с трудом удерживает галошу, которая при ходьбе хлопает девочку по пятке. Дружба их заметно испортилась, потому что Шагит влюбился. Теперь он дразнил ее босые ноги, рассказывал в классе, что постояльцам не на что купить обувь. Он больше не хотел играть с ней, старался ее всячески обидеть, ущипнуть, напугать. Однажды подбросил ей дохлого мышонка под подушку. Но как только наступала ночь, и все мальчики этой большой семьи укладывались спать на полу, Шагит, который раньше боялся ложиться с краю, теперь занимал место именно там, тихо и замороженно смотрел на голые девчачьи ножки за ситцевой занавеской, укрывшись до носа одеялом. Двадцать сантиметров от пола до края занавески позволяли увидеть чуть выше щиколотки.

Когда война закончилась и Рая с дочерью уехали, Шагит убежал в поле. Припелся вечером с красным лицом, получил от отца ложкой по лбу, лишился из-за опоздания ужина и простоял два часа в углу. Больше он не видел ни Раи, ни ее дочери.

После школы он покинул родной дом и поступил в профтехучилище на шофера. Всю жизнь он проведет за баранкой грузовика, вращая руль то вправо, то влево...

...Если бы в то время вышел фильм «Титаник», на Шагита набрасывались бы сумасшедшие девочки: он был страшно похож на Ди Каприо, просто один в один – такой же непослушный вихор надо лбом, светло-голубые глаза, не по-деревенски белая аристократическая кожа. Всю эту красоту украшала ли, омрачала – странная грусть в глазах. Его младший брат, напротив, был веселый малый. Только ростом ниже и острый на язык. С первого взгляда их можно было принять за близнецов, у них и имена были созвучные: Шагит – Шаукат.

---

¹ Обращение к русской женщине (*татар.*).

Шаукат тоже приехал в Казань и поступил на шофера. Братьев поселили в одну комнату в общежитии. Младший был душой компании – постоянно шутил, рот у него не закрывался даже во сне. Молчаливого Шагита очень раздражал брат-говорун.

Как-то раз на их общие деньги Шаукат купил подержанный фотоаппарат и фотохимикаты. Шагит был недоволен, но неожиданно увлекся. Ему нравилось фотографировать деревья, нравился щелчок, издаваемый спуском, нравилось купать бумажки в специальной жидкости и смотреть, как на них проступает картинка. Эти мгновения он больше всего ценил. А сами фотографии ничего для него не значили – он их выбрасывал или раздаривал знакомым.

Шагита тяготила жизнь в общежитии. От природы очень брезгливый и какой-то заранее уставший, он любил стерильную чистоту и одиночество.

Свою женщину он заметил, когда их группу отправили в район убирать картошку. Они с братом просились поехать домой, ведь там им предстояло делать то же самое, но их не пустили. Шагит терпеть не мог батрачить бесплатно. Но вынужден был каждый день видеть одни и те же лица, одну и ту же картофельную ботву и, если повезет, держать в руках одну и ту же «блатную» легкую и острую лопату.

Каждое утро автобус привозил галдящих учащихся в поле. Обед готовила девушка с длинными черными косами. Ее ждали с самого утра. В большой алюминиевый котел опускался половник, и в миске оказывалась горячая похлебка. Когда подходила очередь Шагита, он смотрел, как ее черные косы болтаются над котлом, боялся, что туда упадет волос. Получив обед, Шагит отходил в сторону, нюхал, рассматривал, потом только осторожно ел.

С полевой поварихой Шагит однажды пошел гулять. Потом еще раз, потом еще... Они почти ни о чем не говорили, просто бродили близ деревни. Их пару раз видели ее родители и тихо радовались. Глаза девушки были черные, как и ее косы. Они с Шагитом являли собой два полных противоречия: он, хоть и вырос в деревне, уже давно стал городским, а она никуда еще не выезжала. Их объединяла какая-то непонятная, несвойственная молодым печаль.

Шагит фотографировал полевую повариху в саду. Эти фотографии хранятся и по сей день: девушка ест яблоки, сидя на дереве; стоит, обнимая худенький ствол; сидит под яблоней, а ее легкая широкая юбка раскинулась на желтеющей траве. Шагит купал бумажки в темной комнате и дарил девушке фотографии. Скоро их накопилась целая пачка.

Однажды стряпуха рассказала ему, что в детстве нечаянно убила свою младшую сестру. Мать отправила восьмилетнюю девочку одну с трехлетним дитем на базар в надежде, что ребенка с ребенком пожалеют, проникнутся сочувствием и дадут больше, чем позволяют деньги. Была поздняя осень, старшая сестра, толкая впереди себя самодельную тележку с ребенком, спустилась к озеру поиграть с другими детьми. Не уследила – малышка залезла в воду. Вместо того чтобы бежать домой, девочка, боясь, что ее отругает мама, долго еще ходила по улицам с мокрой сестрой, надеясь, что та высохнет. Ребенок подхватил воспаление легких и вскоре умер.

После этого рассказа Шагит решил жениться на ней. Только перед свадьбой он узнал, что однажды она уже почти вышла замуж, но от нее в последний момент отказались. А она отказалась быть матерью без мужа. Шагита это не остановило, он взял и женился на ней с угрозой пожизненной бездетности.

Полюбил ли он ее? Да и она не особо стремилась выйти за него замуж. Ей не хотелось второго позора. Они сыграли свадьбу, короткую и довольно тихую, без разгула и широты, и уехали.

Она увезла с собой пачку фотографий, два платья и огромную подушку, битком набитую гусиным пухом, – свое приданое.

* * *

Шагиту дали домик в поселке Мирный – небольшая комната и маленькая веранда. Шагит ездил в город на работу. Жена его, окончившая четыре класса, устроилась на завод точного машиностроения. При необходимости оставалась после смены, на работу не опаздывала. А Шагит мог проспять, прийти нетрезвым и никогда не перерабатывал положенные часы, однако же, его не увольняли.

Осенью тысяча девятьсот пятьдесят восьмого у них родился сын. Через три года родилась и дочь. Дети были очень похожи друг на друга и на своего отца. Жене тяжело было справляться с двумя детьми, поэтому из деревни перевезли ее мать. Шкафом отгородили тещин угол, где разместились железная кровать с прыгучей решеткой и тумбочка для разных старческих принадлежностей. Сам Шагит с женой и дочерью спали на высокой кровати, сын – рядом на диване.

Шагиту душно было в таком пространстве, и он всячески старался задержаться где-нибудь после работы, а в выходные куда-нибудь уехать. У него не было настоящих друзей. Кое-кто из соседей пытался сблизиться с ним, но Шагит никого в свою душу не впускал, лишь перебрасывался парой слов на садово-огородную тему.

На краю улицы была «самогонная» избушка. В ней жила кудесница, которая продавала огненную воду. Прозвали эту кудесницу Пистимией. Одинокая, жадная, скрытная, всегда понимающе относилась она к опухшим, трясущимся, небритым мужикам и давала в долг. Неуплаты не боялась – они добросовестно возвращали все, что были должны. Кое-кто даже сдавал назад пустую тару.

Шагит стал ее постоянным клиентом. Иногда он не ждал у забора, как другие, а заходил во двор, прикрыв за собой ворота. Часто выходил обратно только через час. Вероятно, они ждали, когда самогон накапает в бутылку.

По определенным числам, которые члены семьи знали наизусть, Шагита можно было увидеть на краю улицы. Его заносило то в одну, то в другую сторону. Сын и дочь играли у ворот. Завидев отца у начала улицы, они бежали домой, предупреждали мать и бабушку, а когда открывались ворота, Шагит еще долго ругал собаку во дворе, затем входил в дом, где перепуганные дети широко улыбались и радостно кричали ему: «Папа пришел, ура!» Теща – маленькая старушка в белом платке – робко выглядывала из-за своего шкафа и тоже приветствовала зятя. Жена, все с теми же черными косами, только теперь убранными на затылок, предлагала ему отужинать.

Она поначалу прятала синяки, говорила, что упала в темноте. Шагит уходил в запой на неделю, а когда нужно было садиться за руль, завязывал и спокойно шагал мимо дома Пистимии. Сила воли у мужика была железная. Как только выдавалась свободная неделя – снова в запой. Пел песни или ругался. А порой наматывал на руку волосы жены и таскал ее по всему дому, а то и по двору. Сын смотрел на это исподлобья, однажды он подбежал сзади и стал бить отца маленькими детскими кулачками в спину, но отец этого не заметил.

Лишь в семнадцать сын впервые ударил отца уже как мужик мужика. После этого они не разговаривали, а женщины старались сгладить конфликт. Как только сын пошел в армию, отец принялся мстить жене за побои сына, про что она, конечно, не писала ему в письмах.

Однажды супруги завели теленка, и нужно было заготовить для него сено. Шагит взял косу, тележку, спустил с цепи собаку и отправился с нею в лес. Его не было очень долго. Далеко за полночь прибежал пес и принялся лаять у ворот. Его впустили, а жена вышла и стала выглядываться в темноту, пытаясь высмотреть мужа. Он появился только минут через пятнадцать. На тележке большой мешок, битком набитый свежескошенной травой. Шагит прошел в сарай, вытряхнул его. Жена хотела помочь разложить сено, но Шагит велел ей идти в дом, а сам, убедившись, что она ушла, лег лицом на траву и долго лежал...

Вернулся из армии сын, женился. Дочь тоже вышла замуж. Теща уехала доживать в деревню. Шагит с женой остались вдвоем. Вскоре сын расширил родительский дом: появились еще одна комната, огромный коридор, просторная веранда, кухня. За две недели во дворе выросла баня. Шагиту теперь принадлежала целая комната. Он постоянно уединялся там. Жена обитала на кухне или в огороде. Спала в новой комнате, отдельно от мужа. Сын подарил им первую внучку. Потом дочь друг за другом родила девочку и мальчика. Летом внуков привозили к бабушке и дедушке на свежий воздух. Когда радостные внуки бежали обнять бабушку, она целовала их, а потом тихо и опасливо шептала на ухо: «Идите с дедушкой поздоровайтесь». Старшая обнимала деда, потому что так велела бабушка. Он будто заинтересованно спрашивал: «Как год закончила?» Внучка отвечала: «Без троек». Иногда Шагит смешно вытягивал губы, и до нежной детской кожи дотрагивалось нечто мокрое, колючее и неприятное, и это хотелось скорее вытереть.

Когда Шагит вышел на пенсию, запои стали чаще. Его не заботил приезд внуков, он ругался, выгонял всех, проклинал жену. В пьяном состоянии в нем просыпалась особая ненависть к ней. Он обвинял ее во всем: от невкусного обеда до высоких цен в магазине. Ему мерещилось, что она ему изменяет, и всякий раз он вспоминал случай из ее далекой молодости. Пенял, что взял ее не девушкой. Совсем рассвирепев, он мог ударить и внуков. Тогда они вместе с бабушкой прятались на чердаке.

Шагит долго и неразборчиво бормотал и провалился в поверхностный пьяный сон. Жена, наступая на выученные наизусть нескрипучие половицы, тихо прошла в свою комнату. Половицы знал и кот Рыжик – некоторые скрипели даже от его лап. Женщина тихо глядела в темноту, постепенно глаза ее закрывались... Ей снилось поле, большая кастрюля с горячим супом, которая вдруг увеличилась. Женщина тонула в густом бульоне, ей было невыносимо горячо, а гигантские макароны, словно водоросли, путались в ногах, не давая всплыть.

Из соседней комнаты слышалось пьяное бормотание. Женщина вмиг проснулась. На всякий случай выскользнула на кухню в одной ночнушке. На печке спал кот. От стены до печки было не более полуметра. Закрывая темный угол, на бечевке висела такая же занавеска, как на окнах. Шаги мужа уже приближались, она привычно встала между печкой и стеной, за занавеску, придвинув табурет, чтобы ноги не бросались в глаза.

Шагит прошел сначала в спальню, включил свет, увидел пустую кровать, вышел на кухню. Нащупал на стене выключатель, вспыхнула лампочка. Шагит стал звать жену. Сел, кое-как прикурил сигарету. «Карчык², ты где?»

Вдруг мужчина осекся. Взгляд его упал на табурет, позади которого он увидел ноги за занавеской. Где бы ни пряталась от его злой руки жена, он везде ее находил, вытаскивал за волосы. А тут вдруг уставился пьяными голубыми глазами и не мог пошевелиться. Потом открыл дверь на веранду, и очень скоро стало холодно. «Ты где, карт таре?» – повторил он автоматически.

А жена стояла за печкой, надеясь, что он не найдет ее. Вдруг Шагит положил руки на стол, опустил голову и затих. Всю ночь простояла женщина на холодном полу босиком, а он сидел на кухне, иногда смотрел на голые ноги своей жены и задавал все тот же вопрос: «Где ты?»

Жена Шагита очень любила цветы. Они были везде – на подоконниках, в палисаднике, в огороде. Дом утопал в цветах. Иногда хозяйева держали кур и одного петуха. Ящик с цыплятами выносили в огород и ставили у грядок с викторией. Цыплята щебетали в ящике, радуясь солнцу. Жена Шагита большой тяжелой лейкой поливала помидоры в парнике. Шагит был в тот день трезв. Стоял и курил, прислушиваясь к цыплятам. Вдруг жена его упала, тяжелая лейка с водой задела ей ногу. Вода не успела убежать далеко – иссушенная земля с жадностью ее впитала.

---

² Старуха (*татар.*).

Шагит подбежал к жене. Глаза ее широко раскрылись, она пыталась что-то сказать, но слова превращались в мычание. Хотела поднять руку, рука не послушалась.

Через минуту все прошло. Жена встала, сама дошла до кровати и легла. Вскоре микроинсульт повторился. Дети положили ее в больницу.

К ней приезжали каждый день. Она не ела больничную еду – все самое свежее, горячее приносили дочь и сноха. На третий день сын привез Шагита. Соседки по палате разом запахло поту же халаты, оправили волосы. Шагит сел на стул рядом с кроватью, жена спросила: «Как там цыплята?» Он ответил, что кормит. Далее была суэта со сменой белья, со свежей едой, разговор с лечащим врачом. Больше Шагит с женой не обмолвились ни словом.

Настал день выписки. Дома готовилась вкусная еда. Сын купил цветы и поехал забирать мать из больницы. Она уже собрала вещи, попрощалась с соседками по палате, поблагодарила врачей. «Сейчас, только в туалет сбегая», – сказала она сыну.

Она упала прямо на свежeweмытый линолеум. Успела почувствовать запах хлорки. Прибежала сначала медсестра, затем лечащий врач. Мимо сына с грохотом провезли его мать. Она находилась в реанимации четыре дня. Шагит ожидал, что так случится. Потому внешне оставался спокойным.

Его жену привезли на седьмой день. Женщина не открывала глаз. Когда ее переложили на кровать, казалось, что она спит и вот-вот проснется. Внуки держали ее за горячие руки и твердили в два уха жалобными голосами: «Дэуэни³, ну проснись!» Старшая внучка понимала всю серьезность положения, она окунала лицо в бабушкину горячую ладонь и старалась запомнить это ощущение, навсегда сохранить в памяти ее запах. Дочь и сноха меняли белье, сын ездил в аптеку, привозил шприцы, бутылочки с уже бесполезными лекарствами. Шагит почти все время находился в своей комнате. Единственный, кто не держал умирающую за руку. Стоял возле двери и смотрел на свою жену. Именно сейчас он почему-то любил ее, любил насколько мог. Он знал, что будет терять ее постепенно, проживая каждую секунду этой потери. Жесткие черные волосы его жены заплели в косу, и коса эта свисала с кровати. Очень заманчиво – бери и наматывай на руку, бери и таскай по всему дому, бери и расплетай, и перебирай пальцами волосы, бери и запоминай, какие они, какая она вся – покорная, сильная даже во сне, с вечным чувством вины и стыда.

Шагит уходил в свою комнату. Снова выходил, смотрел... Он поливал ее цветы по вечерам, чего раньше никогда не делал, кормил никому уже не нужных цыплят. В его голове, должно быть, рисовалось будущее: вряд ли жена встанет с постели, вряд ли она вообще придет в себя. И останется пустой дом, цветущий ароматный сад, кот Рыжик, цыплята, пачка хрупких фотографий, шпильки для волос...

И останется Шагит. Один, чего всегда хотел. На самом деле все не так плохо, жене уже семьдесят – когда-нибудь она должна умереть?

Только не сейчас! Шагит не мог остаться один. Он не готов к этому! Он всегда говорил, что первым должен умереть обязательно он. А она еще хотя бы лет пять проживет без него, в свое удовольствие, забудет о чердаке, о печке, без страха будет ходить и скрипеть половицами, смотреть по телевизору свои сериалы, которые так раздражали его...

Она умерла в ночь на семнадцатое июля на руках у снохи. Умерла, так и не придя в себя. Еще можно было потрогать жену, пока она оставалась по-человечески теплой. Но Шагит не приблизился к ней.

Днем были похороны. Солнечно, вся улица собралась. Даже Пистимия, оставив без присмотра свой самогонный аппарат, пришла проститься. Бывшие сослуживцы с завода, где жена проработала более сорока лет, какие-то ее подруги, приятельницы... Некоторые плакали. Но

---

³ Бабушка (*татар.*).

больше всего Шагита раздражали те, кто слезы сдерживал из последних сил. Он видел, что им по-настоящему плохо, смерть его жены для них утрата.

Могила была уже готова, отец с сыном спустились в нее и приняли тело – это было единственное прикосновение Шагита к своей мертвой жене. Им подавали доски, они расставили их, затем по очереди выбрались. Рабочие кладбища замахали лопатами, сделали бугорок и воткнули дощечку с номером. Рядом с могилой его матери было заранее куплено место. Шагит решил, что оно для него, и улыбнулся тому, что когда-нибудь ляжет рядом...

...Шагит жил один. Сам готовил себе обед, сам стирал. Внуки были теперь редкими гостями, да и дети тоже. Сын все же простил отца – приезжал, привозил продукты, помогал деньгами, ремонтировал дом. Очень редко приезжала дочь, готовила суп в большой кастрюле, махала мокрой тряпкой по полу, возила веником по половикам и отчаливала.

Огород превратился в унылый клочок земли. Дом стремительно становился сараем. И Шагит старел вместе со своим хозяйством. Наперегонки они дряхлели, теряли достоинство, морщились, рассыпались...

Как и прежде, Шагит нашел единственно верный способ. В доме частым гостем стал его брат-говорун. Он появлялся в день пенсии, поил брата, а потом уходил с деньгами. Иногда снисходительно оставлял на оплату коммунальных услуг и даже на продукты. Шагит знал это, но все же ждал дня пенсии, ждал брата, прятал деньги в другое место, понимая, что они все равно будут найдены. Но зато в дом зайдет человек, можно будет разговаривать не только с котом. Видимо, брата слегка заела совесть, потому что месяца четыре его не было. Редкий приезд детей совпал с запоем. Когда Шагит трезвел, вокруг не было ни души. Только соседи, которые иногда здоровались с ним через забор. Одиночество, к которому он так стремился, тяготило его.

Шагиту казалось, что ворота совсем непрочные, что его хотят убить, что ночью в дом неизвестно каким образом пробираются черные люди. Чтобы защититься от черных людей-убийц, Шагит прятал под кроватью топор, просыпался ночью от собственного пьяного бреда, вскакивал, хватал топор, забивался с ним в угол, как волчонок, и рубил воздух со словами: «Я еще живу, я еще здесь, это мой дом!» Однажды он разрубил диван, на котором жена раньше смотрела телевизор. Потом долго отмывал чистый топор от крови, закапывал в огороде подушки, одеяла. Вдруг с соседнего огорода послышался веселый голос: «Кого хороним, дядя Саш?»⁴ У Шагита еще больше затряслись руки, он каждую минуту ждал полицию, заперся на все замки, не выходил из дома даже в туалет. К нему несколько раз приходили люди в форме, пытались проникнуть в дом, Шагит кричал, что это не он убил черных людей и что он так просто не сдастся. Когда ему показалось, что полиция уже взломала замок и вошла в дом, он спустился в погреб и долго сидел там в обнимку с топором.

...Когда белая горячка проходила, он осознавал свое несчастье и одиночество, ему нечем было укрыться – все одеяла были погребены, и он укрывался старыми телогрейками, просыпался от холода и от жуткого, но уже реального звука: под домом завелись крысы. Раньше они будто не решались осквернить уютный дом своим присутствием. Теперь же решили, что здесь им самое место. Под кроватью все еще лежал топор, хотя Шагит знал – он не понадобится, многие брезговали даже во двор войти. А крысы мешали спать. Шагит слышал, как они в погребе делят его картошку, которую привез сын, дерутся, совокупляются, рожают... Они шастали по двору, увидев хозяина, вроде как пугались, а вскоре перестали. И спокойно выходили на кухню пить, прыгали по мебели, залезали даже в шифоньер и спали на вещах.

Их стало так много, что соседи забили тревогу. Шагит даже не пытался их морить. Пришел брат и разбросал по дому и о городе отраву. Но она мало помогала. Тогда пошли на совсем жестокое ухищрение: толченое стекло смешали с фаршем, и крысы, нажравшись, умирали от

---

⁴ Все русские называли Шагита Сашей.

колик. Их трупы Шагит подобрал лопатой, свалил в кучу, полил керосином и поджег. И вновь остался в своем доме один.

Однажды утром он вдруг легко открыл глаза и вскочил с кровати, словно ему тридцать, а не семьдесят. Почему-то не ныли кости и голова была ясной. А главное, на сердце легко, уютно, будто вся жизнь еще впереди. Шагит чувствовал в себе силы и совсем не хотел есть. Сделав глоток воды, он оглядел комнату и сию минуту принялся наводить порядок: вытащил и развесил на заборе коврики и половики, хорошенько отколотил их, затем мыл окна и полы, чувствуя, как воздух в доме меняется, будто тоже молодеет вместе с ним. Но из зеркала на него вдруг взглянул лохматый белобрысый старик, и Шагит удивился. Он поехал в парикмахерскую. Странно на него там посмотрели, но все же подстригли белую бороду и волосы.

На следующий день Шагит стирал свою одежду. Зашел к соседям и позвонил дочери – позвал в гости вместе с внуками.

Обещал, что не будет пить, сказал, что затопил баню. Сходил в магазин и купил торт.

Никто не приехал. Не приехали и в следующие выходные. И Шагит понял, что состарился и ничего не может с этим поделать. Он разулся и прошелся босой по двору. Истопил баню. Вспомнил голые ножки военной девочки. Как ни силился, лица припомнить не мог.

А вот лицо жены он помнил хорошо. Шагит отыскал пачку пожелтевших уже фотографий. Он перебирал их осторожно, разложил на столе. Чернокосая девушка ест яблоко, обнимает ствол дерева...

Баня уже подошла, Шагит разделся, набрал в тазик воды. Долго и тщательно мылся, разбрызгал пену по стенам. В предбаннике на лавочке осталась чистая ветхая одежда, которую он собирался надеть. В холодильнике стоял торт. А половики и коврики так и висели на заборе.

2007

Стакан из-под кефира

Перед сном мать давала сыну чуть теплый кефир в граненом стакане. Степа выпивал и долго смотрел на стакан – после кефира он очень интересный, не то что после молока. Степе почему-то нравились белые прожилки, которые оставались на стакане после кефира, даже не просто нравились – радовали его, вызывали необъяснимый приступ счастья, а вот почему – он не знал.

В гостиной отец смотрел телевизор и, постелив на пол газетку, большой лохматой щеткой начищал обувь всей семьи. В кухне мать громко отмывала посуду. В маленькой комнатке бабушка, укладываясь ко сну, едва слышно не то ворчала, не то молилась.

За ночь стакан из-под кефира подсыхал. Утром Степан открывал глаза, брал стакан, бережно касался белых дорожек. В комнату входила мать, вешала на стул одежду для сына и уносила стакан из-под кефира. Как же Степе не хотелось отдавать его, но мать свою он и обожал, и побаивался, а потому не противился, чтобы лишний раз не огорчить ее, не любил, когда она бывала печальна или сердита.

– Пусть сам одевается, не помогайте! И постель сам пусть заправит.

Мать спешила на кухню, где на медленном огне жарилась, чуть подрагивая, яичница. Бабушка вздыхала, стоя в дверях детской, глядела какое-то время на внука:

– Сам, Степушка, давай сам, да... Ты уже большой!

Очень хотелось ей одевать Степушку самой, но она покорно проходила мимо его комнаты и принималась высматривать иной повод побыть полезной. Рано овдовела, собственным сыном насладиться не успела, да и не умела, а теперь изнывала от желания приласкать внука, как-нибудь позаботиться о нем и о его отце... Но сноха приучила мужа не только гладить рубашки, но и пылесосить по выходным ковры. Мать Степы ковры обожала: она закрыла ими вполне приличный еще линолеум и стены тоже ими завесила.

Степе нравилось смотреть, как крепкое желтейшее, словно осколок солнца, сливочное масло в горячей каше «Дружба» становится золотистой лужицей.

– Ешь-ешь, стынет! – некстати торопил отец, уминая яичницу прямо со сковороды.

Завтракали скоро, непременно с хлебом, для сытости.

Шарф мать завязывала слишком туго – у Степы аж дух перехватывало. В лифте от тусклого света было почему-то больно глазам. А на улице ему хотелось лизнуть сосульку, нырнуть в сугроб! Но отец, пока вез сына на санках, все время оборачивался. Однажды Степка откусил кусок сосульки и бережно катал его во рту до самого детского сада.

На прогулках Степан повадился есть снег, однажды заболел и понял, что это лучшее, что могло с ним случиться: в садик его не повели, оставили дома с бабушкой, а она весь день говорила по телефону с бывшей сослуживицей. Шнур у телефона был длинный, на всю квартиру. Бабушка перемещалась по ней с аппаратом в руке. Шея ее была слишком коротка, чтобы удерживать трубку, но бабушка умудрялась. И Степа был предоставлен самому себе.

Его назвали в честь деда, бабушкиного мужа, которого она и нежно любила, и вроде как была на него очень сердита, потому что вдруг принималась бранить на чем свет стоит и плакать после. Всю жизнь берегла его вещи: самодельную ложку и кружку.

Хранились они в буфете, в левом выдвижном ящике. Кружкой не пользовались совсем, сплав металлов, из которых она была сделана, со временем дал реакцию, от кружки теперь пахло чем-то очень странным, а если лизнешь ее – пощипывало язык. А вот ложку бабушка порой доставала, мыла ее и ела ею. Мальчик думал, что неизвестный ему дед никогда не шалил и не баловался, едва слышно разговаривал, а чаще всего и вовсе молчал. Потому что, когда бабушка рассказывала про него или когда его упоминали в семье, произносили: «дед-то, покойный, так-то бы сделал», «как говаривал дед наш покойный», и Степе казалось, что «покойный»

означает «спокойный», и мальчик удивлялся, когда слышал: «Деда покойного на вас нет! Ох задал бы он вам всем!» Бабушка говорила о нем, как о всеобщем любимце, но в доме никто, кроме нее, с дедом знаком не был. Даже отец Степы. Степа знал, что они с дедом покойным – тезки, и очень любил о нем слушать одни и те же истории.

– Сынок, ты чего тут лазаешь? Опять конфеты таскал? – бабушка положила ладонь на Степину макушку. – Нюсь, представляешь, пока мы с тобой разговаривали, умудрился аппетит испортить. Суп не ест, ему сухомятку подавай!

Степан осторожно вывернулся из-под ее руки. Никаких конфет он не таскал, он любил иногда, пока бабушки нет на кухне, достать кружку деда покойного и полизать ее по краям, чтобы пощипало язык.

– Куда пошел? Я супчик разогрела, – бабушка вновь потрогала внуку лоб. – Температуры вроде как нет. Чего сидишь? Ешь, стынет.

– Бабу, ложку деда покойного дай.

Бабу сейчас же прекратила телефонный разговор, достала из буфета ложку, сполоснула ее, дала внуку и села смотреть, как он есть будет. Через мгновение подбородок ее задержался.

– Бабу, а у деда покойного рот был как у крокодила?

– Чего?!

– Ложка-то в рот не лезет, большая слишком.

– Ты дорости сперва до ложки-то этой! – бабу обиделась, отобрала ее у Степана и дала обычную. – Она всю войну видела.

– Бабу, а у деда покойного усы были?

– Нет.

– А борода?

– И бороды не было.

– А волосы седые?

– Ты думаешь, раз дед, то старик? – усмехнулась бабу. – Он состариться-то не успел, молодой парень был. Даже отца твоего моложе... А что до волос, то лысым его помню. В военкомате побрили, перед тем как на фронт отправить. Чтобы вши не завелись. Там мыться-то негде было. Вот ты вырастешь, заберут тебя в армию и обреют там. Пока служишь, будешь лысым, как дед покойный. А будет ли тебя твоя девчонка ждать – еще вопрос. А я вот ждала! И даже замуж потом не вышла – такая преданная была! А ведь меня спрашивали! Сосед, вдовец, спрашивал. Ладно, ему хозяйка в дом нужна, у самого дети. Но ведь и мальчишки молодые меня звали! Ни разу не женатые! А мне уж за тридцать было! У меня твой папка уже бегал! Бабка у тебя красавица была! Даже с дитем брали! Да я не шла!

Степану нелегко было представить отца дитем, а бабушку красавицей. Ему казалось, что они всегда такие и были, как сейчас. Мальчик громко хлебал суп, большие разомлевшие от воды макароны то и дело прыгивали с ложки.

– Бабу, а дед покойный на фронте погиб?

– На фронте... Если бы на фронте!.. – сказала бабу с отчаянием. – Домой ехал, с товарищем. Под поезд попал. Его товарищ мне вещи и передал...

Вечером отец с матерью внесли в дом большую коробку. Степан обрадовался, думая, что в ней что-то для него – велосипед или самокат, но агрегат оказался вязальной машиной. Отец выставил машинку на стол, и все трое – он, мать и бабушка – уставились на нее. Степка хотел было крутануть у ней какое-то колесико, но родители взвыли сиреной, Степан отдернул руку и пошел в свою комнату.

– Не смей, не смей подходить к ней, особенно когда нас дома нет, ты понял?! – кричала вдогонку мать. – Она бешеных денег стоит! Я чудом достала ее!

– С ней не так-то просто разобраться... – пробубнил отец.

Бабка повздыхала-повздыхала и уплелась в кухню разогревать Степочке кефир.

Выпив кефир, Степан вновь принялся разглядывать белые прожилки на стакане. Неожиданно включился уличный фонарь, и окошко Степы засветилось желтым. Мальчик отодвинул занавеску. Белые морозные узоры на стекле озолотились. У Степы перехватило дух – так красиво, так волшебным это было! Степа поднес стакан к окошку и нашел, что след от кефира и разрисованное морозом окно – родные друг другу.

– Ах тебя! Ты зачем на окно взобрался?! Марш в постель! Я сейчас отца с ремнем позову!

Степан мгновенно юркнул в постель. Бывало, что ему от отца влетало. Боли мальчик не чувствовал, глубокая обида рвала ему сердце. Да, он слишком медлителен, его постоянно нужно было подгонять, но ведь за это нельзя наказывать. Родители почему-то скоро жили, все торопились куда-то. А Степе нравилось будто бы читать жизнь и про деда покойного думать. Конечно, он и не ведал, что читает ее, просто жил, вел себя так, как подсказывало сердце.

– Лег?! – пробасил отец, проходя мимо детской.

– Лег, лег! – залезла бабушка.

Отец с матерью еще долго не могли уговориться, все читали инструкцию к вязальной машине. Бабушка им не мешала, она будто их боялась, избегала быть рядом, старалась забиться в свой уголок. Днем, когда сына и снохи не было, бабка царицей ходила по комнатам, волоча за собой телефонный провод, а при них она почему-то стеснялась себя. Хотя квартиру, где они жили, дали именно ей, как человеку, который от звонка до звонка отработал на заводе. Захоти она – сын со снохой покатались бы обратно в свою институтскую общагу...

– Бабу! – тихо позвал внук.

– Чего не спишь?! Мать услышит – заругается.

– Бабу, иди ко мне.

Старушка открыла дверь, вошла и присела на кровать.

– Бабу, про деда покойного расскажи.

– Я ж тебе рассказывала, много раз...

– А папа похож на него?

– Вылитый.

– А я?

– А ты совсем одно лицо.

– Бабу, а дед покойный тебя любил?

– Как с принцессой обращался. На руках носил.

– А почему папа совсем не любит тебя?

– Как же не любит?! Ты чего говоришь-то? Я же мать ему! Вот ты свою мамку любишь?!

– Очень!!!

– Вот и отец меня тоже! – строго сказала бабу и добавила: – Бывает, что мать не любит своих детей. А дети мать любят всегда. Какой бы она ни была.

Бабу потрогала внуку лоб.

– Ну... температуры нет. Завтра в поликлинику сходим, справку возьмем, и в садик...

Раз бабу со Степой шли из магазина, увидели котенка рыжего, облитого чем-то вроде машинного масла и пытающегося вылизаться.

– Смотри, бабу, котенок гадкий какой. А бывают кошачьи Мойдодыры?

И бабушка, решив, что бедняга, вылизываясь, отравится, и уверившись, что пройти мимо, тем более в преддверии деда покойного годовщины, – грех, раскрыла зонт, посадила в него несчастного котенка и несла так до самого дома. А Степа радостно наворачивал круги вокруг бабу с зонтом, который ей неудобно было нести, и норовил положить в их импровизированную корзину всю живность, что попадалась им на пути.

Дома бабу усадила котенка в таз с водой, надела хозяйственные перчатки и принялась намывать несчастного, гадая, где же умудрился он так вымазаться. После она отпоила его

молочным супом, к которому утром Степан и не притронулся, и с сожалением обнаружила, что котенок все еще дурно пахнет. Радовался лишь Степа, говоря, что котик пахнет как настоящая машинка.

Кота окрестили Кузьмой. Бабу считала, что ежегодно на свою годовщину дед покойный посылал ей какие-то подарки или хотя бы знаки: однажды возле их дачи волшебным образом оказалась небольшая кучка отменного навоза, которым бабу незамедлительно удобрила огурцы, и пошли они расти как бешеные. Вероятно, вез кто-то и немного обронил, но бабу уверилась – это дед покойный шлет привет с того света. Или же когда бабу вскапывала землю, из нее вылез крот, совершенно не испугался, осмотрелся деловито и ушел обратно в землю. Сдачу в магазине дали больше, чем следовало. Но самым ярким и важным посланием был, конечно же, Степан, который родился за месяц до дедовой годовщины. А кот Кузя был на втором месте после Степана.

На ночь Кузю, чтобы не шастал он по квартире, запирали у бабушки в комнате, он спал у ней в ногах либо, если дверца оставалась приоткрытой, пробирался в шкаф и устраивался на вещах. Но однажды приоткрытой осталась дверь в комнату – Степе приснился страшный сон, и ночью он прибежал к бабушке. Она взяла его под одеяло, прижалась к нему и долго дышала в макушку, а Кузя в это время улизнул и вволю наигрался мотком пряжи, наточил когти о шерстяное персиковое полотно, которое мать Степы после многих вечеров мучений, разобравшись наконец, как машинка работает, наткала...

Наутро все проснулись от нечеловеческого вопля: мать была в бешенстве и чуть не придушила Кузьму. Остановил ее, как ни странно, отец, который к Кузе никак не относился, а был к нему снисходительно равнодушен. После этого мать стала давать Степе молоко с медом на ночь – вычитала в журнале «Здоровье» о пользе его для сна у детей. Но молока Степа не любил и выливал его в цветочный горшок, который вскоре переполнился и потек. Хорошо, что бабушка, а не мать заметила и убрала, а после строго спросила у Степы: ты кефир любишь? Он, смекнув в чем дело, кивнул.

А Кузя... Его, бедного, приученного к людям, ласке и теплу, отнесли «туда, где взяли», потому что мать, сокрушаясь над своим первым вязаным изделием, над пряжей, которая намертво спуталась с металлическими деталями машины, именно такие слова и выкрикнула: «Несите мразь туда, где взяли».

И Степа отнес. За неимением машинного масла, он перепачкал Кузю ваксой, и пока бабу и отец успокаивали мать, попутно пытаясь вытащить нитки из деталей машины, Степан, наспех одевшись, понес Кузю к тому магазину, где они с бабушкой его нашли. Но не донес – молодой перепуганный кот вырвался и скрылся в подвальном окне ближайшего дома.

Дома Степу хватились. Отец выбежал за ним. Долго искать не пришлось, мальчик не успел далеко уйти. И долго кричали они в окошко подвала, но Кузя к ним так и не вышел.

– Не беда, развесим объявления, добрые люди принесут, – успокоил отец.

И Степа согласился идти домой. Он надеялся, что мать похвалит его, что он так быстро исполнил ее просьбу, и что она не очень рассердится из-за того, что Степа не донес котенка именно туда, где его взяли. Но только Степа с отцом переступили порог, началась вторая волна истерики:

– Что ты сделал со своим пальто?!

В тот день мать не произнесла больше ни слова.

Отец два раза ходил искать кота. Бабу намешала содыц уксуса, чего-то еще и эту гремучую смесь нанесла на Степино пальто, но стало только хуже.

– Наверное, солью надо было, – причитала она позже.

А Степа уже который час сидел в ванной. И вода-то давно остыла, и игрушки его плавали неприкаянные: резиновые на поверхности, а машинки все потонули; а сам Степан от длитель-

ного пребывания в воде разбух – никто не шел его мыть: ни мать, ни бабу. Вспомнил о нем отец, вытащил из ванной, обтер и отправил спать, так и не помыв.

Проходя по коридору, Степа увидел мать. Она была полуприкрыта пледом, пальцем слабо очерчивала рисунок на ковре, который висел на стене.

– Мама! – крикнула вдруг она, и Степа вздрогнул. – Где там у вас были журналы про здоровье? – И тут увидела Степу, а он ее. – Не стой босиком, – только и сказала.

– Мама, мне тогда приснилось, что ты умерла...

– А почему к бабушке пошел, а не к нам с папой? – мать вдруг резко села в кровати и устала на сына. – Не стой босиком, – повторила она.

Отец распутал каждую деталь машинки, достал у знакомых продавщиц пряжу разных цветов, но мать будто потеряла интерес не только к вязанию, а к самой жизни.

– Да что ты как на поминках-то, ей-богу! Вот дед покойный задал бы тебе! – чуть не впервые в жизни ругалась на сноху свекровь, и Степе хотелось защищать маму, но он молчал, опасаясь, что бабу обидится еще и на него, она и так уже не могла простить снохе, что из-за нее пропал их питомец Кузя, посланник деда покойного. А еще на Кузю-то бабу могла излить свою нежность, он был очень ласковый кот. К Степе, после того как он потерял кота, бабу временно остыла. Но кефир перед сном приносила. Степа спал тревожно, но, если и просыпался ночью, больше уже не ходил ни к бабу, ни к родителям, брал пустой стакан из под кефира обеими руками и глядел в белые прожилки – это его успокаивало. Обнимал стакан, как игрушку, и засыпал с ним. А просыпался Степа раньше всех в доме. Вновь лежал, глядя на стакан, гладил подсохшие прожилки, не понимая, почему для него это ценность.

– А, проснулся уже! Собирайся, надачу поедем, – и бабуунесла стакан из Степиных рук, чтобы вымыть и убрать к остальным.

Степа вышел из комнаты и увидел мать, она была в простеньком белом платье и фату набросила на голову. Степа ахнул: фата была точь-в-точь как стакан из под кефира: тот же цвет, те же узоры. Степе казалось, что он уже видел такую свою мать, держался за фату эту, хотя мать впервые после свадьбы достала платье и нарядилась в него. А отец сидел на диване, глядя почему-то не на красивую маму, которая, наконец, улыбалась, а в пол.

– Смотри, Степан, какая я была невеста! – мать взяла отца за руки, дернула на себя, и он покорно встал рядом с ней. Мать кивнула на свадебную черно-белую фотографию в рамке. – Только гладиолусов не хватает. На работе девочка одна замуж выходит. Как думаешь, отдать ей платье? – Затем она присела рядом с сыном. – Степан, мы с папой решили развестись, – и добавила едва слышно: – Ты с кем жить хочешь? Со мной или с ними?

Электричку ждали долго. Наконец она приехала. Присесть было негде. Отец в тамбуре ехал, в окно глядел, мать, бабу и Степа в вагоне.

– Мальчик, садись, – чуть сдвинулась вбок незнакомая женщина.

– Я не мальчик, – огрызнулся Степан.

– А кто же ты? Уж не девочка ли? – не унималась женщина.

– Это наши с папой девочки, – показал Степан на бабу и мать, которая почему-то изо всех сил старалась делать вид, что не с ними, а сама по себе едет, – а я совсем старик. Мне восемьдесят шесть.

Женщина на секунду растерялась, но быстро нашлась:

– Тогда старшим надо уступать. Садись, мил человек, старик! – усмехнулась и ушла в тамбур.

Но Степа не сел, и никто не сел.

От станции на дачу шли: мать с отцом чуть впереди, Степа и бабу сзади.

– Если будешь со мной жить, я тебе все разрешать буду. Нового котенка возьмем. Или собаку. Да не нужен ты ей, она просто так сказала, для красного словца. Не возьмет она тебя, вот увидишь.

Все внимание Степана переключилось на «красное словцо», видимо, потому что слышать про остальное было больно. Спросить бабушку, что такое «красное словцо», не хотел – интересно было самому выдумать объяснение. В один момент Степан оступился и крепче сжал руку бабушки, что она приняла за согласие и победоносно взглянула в спину снохе.

На даче соседи истопили баню и позвали их помыться. Степан пошел с отцом и соседом, хозяином бани. Мужики говорили сперва о бане, а потом, выпив холодного пива, о предстоящем разводе и прочем взрослом, не смущаясь Степана. И вдруг, в очередной раз выйдя в предбанник, они увидели мальчика с бритвой в руках.

– Папа, я как дед покойный хочу. Я решил на фронт пойти.

Отец улыбнулся и обрил сына. А заодно и себя.

Степе нравилась его новая легкая голова. Будто даже мысли теперь приходили только хорошие. На дачу забыли купить кефира, Степа уснул без стакана.

На следующий день, когда все семейство прибиралось на участке и мыло дом, обычно тихий Степан не на шутку разбаловался: вел себя как трехлетний малыш, бегал и без умолку повторял: «дед покойный, дед покойный» на все лады и громкости. На любой вопрос отвечал: «дед покойный» и на любые просьбы реагировал так же. И больше никаких слов не произносил.

– Дед покойный, иди обедать! – позвала в один момент бабу.

Степа пришел и удивился, что за столом они с бабу вдвоем.

– А родители где? – растерянно спросил Степан.

– Дед покойный! – злорадно ответила бабу.

– В магазин, что ли, ушли?

– Дед покойный, – был ему ответ.

И бабу тихо заплакала, но из-за стола не ушла. Степа видел, как слезы каплют ей в тарелку.

Со своей матерью Степа встретился только уже осенью, она пришла, чтобы забрать свою вязальную машинку. С нею был незнакомый Степе мужчина, который бодро поздоровался и потрепал мальчика по макушке – волосы к тому моменту уже отросли. Степа кинулся к матери и крепко обнял ее, а она его.

– Прости, Степан, не смогла я. И так долго терпела. Мы будем с тобою видеться. Если отец разрешит.

Степа не понял, чего именно мать не смогла и что такого терпела. Тут же в прихожей стояла бабу и рассматривала сноху как диковинку.

– А какие ко мне претензии? – улыбнулась мать сквозь слезы. – Я ничего вам не обещала. И заметьте, я всегда была за то, чтобы рассказать ребенку правду. Всегда за это была! Может, сейчас он бы нормально воспринял.

Ее свекровь хотела было ответить, да промолчала.

И тут в прихожую вынесли коробку с вязальной машиной отец и незнакомый мужчина. Мать тут же распахнула для них дверь, а бабу отпрыгнула в сторону.

– Хоть сейчас объясните ему, что да как! – бросила она, даже не взглянув на Степана, и поспешила нажать кнопку лифта.

Мужчины тащили машинку, как друзья, переговариваясь, как лучше взять и как поставить. Когда все трое вошли в грузовой лифт, бабушка сказала:

– Хех! А я ему говорила! – и ушла в кухню.

Степа подбежал к окну. Погрузив машинку в багажник, мужчина, который приехал с матерью, протянул руку Степину отцу. Отец пожал не сразу, колебался, но все же пожал и вошел обратно в подъезд.

Но в квартиру поднялся только часа через полтора. Может, и быстрее, но Степе это время, пока отца не было, показалось вечностью. Как только отец пришел, бабу усадила его на кухне, они долго о чем-то говорили, Степана не пускали, а пустили только поесть. Бабу была так добра и улыбчива, как никогда в жизни, казалось даже, что это хороший, спокойный сон, который бывает только после кефира...

– Бабу, а можно я из деда покойного кружки выпью?

Бабу обрадовалась и перелила кефир, прежде тщательно помыв кружку. Степа сразу ощутил в кефире новый вкус, не очень приятный, но какой-то мужской, военный, как показалось ему.

– А хочешь – совсем не пей. Если не нравится. А приснится что – ко мне беги. И дверь можешь не закрывать.

А утром бабу, отец и Степа собрались в дорогу. Степа не знал, куда они едут, да и не спрашивал. Ему было покойно в автобусе, где на длинном заднем сиденье с одной стороны был отец, а с другой – бабу.

Вышли на конечной остановке и долго шагали. Начинался дождь. Приблизились к кладбищу. Отец и бабу двигались сначала уверенно, ловко лавируя между памятниками, а вскоре растерялись.

– А кого мы ищем? – спросил Степа.

– Светлану Семеновну Вавилову, – ответила бабу.

– А я ее уже видел, – Степа показал рукой.

Подшли туда – и правда она. С крошечного овального фото глядела на них красивая молодая женщина. Светлые короткие волосы. Бабу смотрела-смотрела на своего сына и выдала:

– Вот женщина, которая родила тебя. Родная мать, стало быть, – и принялась прибираться на могилке. Отец глядел на нее, закурил. Помянули чуть позже.

– Пап, я в туалет хочу.

Степан и отец, оставив бабу прибираться дальше, шагали по широкой аллее кладбища.

– Она любила тебя, сынок. Светлана которая... Мы поженились, ты родился, а вскоре я овдовел.

– Что такое овдовел?

– Стал вдовцом. Вот бабушка вдовой стала, мужа потеряла. А я жену похоронил. Рок семейный... И через два месяца женился.

– Зачем? – спросил Степан.

– Как зачем... Чтоб мать у тебя была. Чтоб как у всех.

Они вышли за пределы кладбища, дошли до забора, оба встали возле него.

Степа почему-то пожалел, что журчание так быстро прекратилось. Ему понравился этот их совместный с отцом звук.

Дома не бабу, а отец принес Степе кефир во фронтовой кружке деда покойного, отца своего, которого он не помнил. Мальчику вкус кефира из кружки опять не понравился, но он пил через силу, уже не для того, чтобы спать хорошо, а чтобы быть смелым, настоящим мужчиной, дорасти до ложки, которая всю войну видела.

– Она и правда не обязана была, понимаешь... не родная... Я, может, и сам бы не смог.

– А я говорила ему! – в дверях появилась бабу. – Не женись! Сами справимся!

– Мама, перестань...

– Тряпку пожалела! Подумаешь, кот ободрал!

– Да при чем тут тряпка! – отец начинал заводиться и прикрикнул на свою мать при сыне.

– Ни та, ни эта мизинца твоего не стоили! – и бабу ушла к себе. – Ох, дед покойный показал бы вам всем! Не кисни, Степушка, придет время, мы еще посмеемся над ней! – послышалось из ее комнаты.

Но Степа не хотел смеяться. И плакать тоже. Он отдал пустую кружку отцу и отвернулся, плотно укрывшись.

– Папа, а ты кого из моих мам больше любил: покойную или живую?

Отец держал кружку из-под кефира обеими руками и долго в нее глядел, будто там сокрыты ответы...

Вдруг раздался звонок. Мужчина вздрогнул, пошел открывать. Бабу тоже взволнованно высунулась из своей комнаты, а Степа не проснулся. Едва дверь открылась, рыжий кот влетел в квартиру.

– Нашла вот, возле мусорки. Вроде он, хотя и подрост. Решила занести. – Бывшие супруги глядели друг на друга несколько мгновений. – Он уже знает?

– Знает, – ответил мужчина и запер дверь почему-то на все замки.

Проснулся Степан рано утром от абсолютной тишины и подумал даже, что он оглох. Но когда пошевелился на кровати, она под ним скрипнула, а что-то теплое и мягкое не дало мальчику вытянуть ноги. Тумбочка, где по утрам находил Степан стакан из-под кефира, была пуста.

2020

Взгоды и урядицы

– Дом хороший. Старый, конечно, но подлатать можно. А вы, я вижу, мужик рукастый. Цена хорошая. Земли много.

– А соседи?

– Старики обычные...

Дом номер двадцать семь по улице Ласточкина в селе Шимёлка продавали то ли в шестой, то ли в седьмой раз. Он и раньше переходил из рук в руки, но не так часто, как теперь. В последний раз перед чередой продаж жили там супруги, немало жили, несколько лет. Но потом не то состарились, не то обленились и продали дом молодой семье с маленькими детьми. Сначала муж с женой приехали и долго, очень тщательно мыли дом и все, что в нем. Затем съездили за своими детьми, коих было двое, надули им во дворе бассейн и завезли самого отборного песка в песочницу. Пожили до конца лета и выставили дом на продажу. Смотреть приехала еще одна молодая семья, купила с большим подозрением, все высматривала подвох, но убедившись, что дом хоть и старый, но крепкий, – решила, искренне поверив в сказку о долгах прежних хозяев.

Новые хозяева предвкушали, как прекрасно проведут здесь следующее лето, но имели неосторожность приехать на новогодние каникулы и поняли, что дело было не в долгах... Думали, может, все еще наладится, приехали в июне, начали жить и вскоре выставили дом на продажу. К концу лета его купила сердобольная старушка, точнее, ее дети купили – ведь она маялась в городской квартире. И как радовались они, что и по соседству тоже живут старики, – весело будет их бабушке! Новая хозяйка дома номер двадцать семь по улице Ласточкина была терпимее молодежи, но когда и ее увезли с подозрением на инсульт, дети выставили злосчастный дом на продажу. Странный дом будто придиричиво отбирает себе хозяина: пробует на вкус, пожует немного и выплевывает.

– Решайтесь и звоните. – Агент по недвижимости, ушла, развеселая, уверенная в себе бабенка, конечно, не рассказала потенциальному покупателю всей подноготной дома, она уже привыкла работать с этим непростым объектом и сама понемногу наваривалась на бесконечных сделках.

– А кто такой этот Ласточкин?

– Простите?

– Улица Ласточкина. В честь кого-то же.

Агент протянула ему блестящий кусок картона.

– Гугл вам в помощь. Вот моя визитка.

Молодой мужчина повернул голову направо: возле соседнего дома появились дед с бабкой, как две капли воды похожие друг на друга, и внимательно осмотрели его. Только старик был высок и худ, а жена его – очень маленькая, ниже даже его груди, половинка в буквальном смысле. Дед присел на лавку, и ростом они со старухой сравнялись. У старухи вроде как голова закружилась, потому что она чуть покачнулась, и старик подхватил ее за предплечье одной рукой и усадил рядом.

– А вот и соседи! – весело сказала женщина. – Милые старики. У вас родители живы?

Мужчина хотел было ответить, да промолчал.

– Решайтесь! Место больно хорошее тут.

Вокруг и правда было хорошо: березы, воздух, которым хотелось дышать.

– Залог если внесете... Так-то я объявление снимать не буду, по этому объекту много звонков. О, смотрите-ка, бабуля идет, познакомиться хочет.

К ним, слегка переваливаясь с ноги на ногу, шагала крошечная старушка. Вблизи она казалась еще меньше, чем издали.

– Что, сынок, жить к нам приехал? – ласково спросила она.

– Вот внесет если сто тыщ залога, может хоть месяц тут жить! Залог весь месяц действует, – бодро ответила риелтор. – Надумает брать, я ему и с ипотекой помогу.

– Мне не дадут. У меня доход нестабильный.

– Справку о доходах сделать – раз плюнуть! – заверила его агент по продажам. – Вы думаете, вы одни такие? Вся страна так живет.

На ее машину грузно спрыгнул с дерева большой рыжий кот, и сработала сигнализация. Женщина принялась рыться в карманах, ища ключи, вытащила их и пикнула брелоком.

– Ну что, оформляем залог?

– Да нет у меня ста тысяч! Не собираюсь я дом покупать!

Тяжело вздохнув, риелтор набрала номер на телефоне: «Абонент временно недоступен», – ответили ей.

– Ну что за люди, а! Делать мне нечего кататься туда-сюда, бензин жечь! – и направилась к машине. – Нет, я все понимаю, но предупредить разве нельзя?!

Она собралась было сесть в машину, как вдруг на лоб ей шлепнулась огромная капля белой жижи и заляпала очки.

– Твою ж дивизию!

А мужчина не сдержался и хохотнул. Она сняла очки, достала влажные салфетки и принялась утираться.

– К деньгам, наверно! – подбодрил ее мужчина.

И тут они оба заметили, что старушка исчезла. Мужчина направился к своей машине, как вдруг послышался истошный крик:

– Стой, дочка-а-а! – от ворот своего дома к ним бежала старушка. В руках у нее был сверток чего-то вроде пирожков. – Дочка... – сказала она, тяжело дыша. – Сколько, говоришь, надо, чтоб дом купить?

– Чтоб купить, девятьсот тысяч нужно. А залог сто тысяч.

– И можно месяц жить?

Старушка воровато обернулась на собственный дом. Старик стоял спиной к ним и возился с воротами.

– У меня тут пирожки с лук-яйцом, – ласково пояснила она, – сынок! Подь сюды.

Мужчина удивился, но подошел.

– Тут вот еще... – старушка достала из кармана передника завернутый в клетчатый платок брикет, расстегнула булавку, а там оказалась пухленькая пачка тысячных купюр – аккурат сто тысяч.

Секунду риелтор и мужчина поколебались, он уже хотел было возразить, но хваткая деловая женщина его опередила:

– Другой разговор! Садитесь в машину, сейчас все оформим.

– Нет-нет, вы сами тут, а то дед догадается. Ты, сынок, не переживай, отдашь потом.

– Конечно, отдаст! – бодро заверила риелтор. – Всего тебе доброго, бабуля!

– Пересчитайте, вроде должно хватить. – И прежде чем мужчина успел что-то сказать, старушка быстро зашагала к дому.

Агент по недвижимости плюнула на кончики пальцев и принялась пересчитывать деньги.

– И не верь после такого в приметы! Садитесь в машину, заполните пока договор.

Мужчина скоро пошел за старушкой, остановил ее.

– Ты что, мать?! Я не приму! Не могу я!

– Отдашь, отдашь потом! И деду ни-ни, а то осерчает! А он дурной, когда злится.

– Тем более! Мне дом не нужен! Я... просто так приехал!

– Просто так ничего не бывает... Я уж ведь отнесла, сынок. Без его разрешения. Все одно осерчает теперь. Лучше ты уж залог внеси. Так хотя бы не узнает. А в комод ко мне он не сунется, не переживай! Он пока, че ему надо, все купил! Побегу, сынок!

Через несколько минут договор был заполнен.

– Поздравляю вас, – агент по недвижимости нахмурилась, пытаясь прочитать, – Виктор. Цена за дом невысокая, может, сумеете и без кредита обойтись. Ну а нет, так мы поколдуем! Если дом покупаете, залог учитывается, если нет – сгорает, и вы должны объект освободить. – Она откусила пирожок и промычала от удовольствия.

Некоторое время Виктор смотрел вслед отъезжающей бордовой машине, затем подошел к своей и принялся разгружать сварочное оборудование и прочие инструменты, которые всегда и всюду возил с собой.

Мужик он действительно был рукастый. Пожалуй, не было ничего, что бы он не смог своими руками сделать, разве что вышивать крестиком не умел. Он присел на бревно, что лежало у ствола толстой березы, прислонился и прикрыл глаза, слушая тишину. Вскоре с участка соседей послышалось старческое ворчание, мужчина напрягся было, что дед обнаружил пропажу и бабку ругает, но вскоре по интонации различил: не злобный это бубнеж, а так, житейский.

Он вошел в дом и отметил, что в нем не вполне чисто, но жить можно. Затем обошел двор. За сараем увидел груды мусора – остатки парника, который смастерили из старых оконных рам, а чуть дальше – листы железа. «Пожалуй, из этого получится мангал, – подумал Виктор, – раз уж я здесь – надо как следует оттянуться». Надел маску и принялся приваривать листы друг к другу. Искры полетели в разные стороны, и зажужжало. Когда он прервался, чтобы взять новый лист, увидел ноги в шерстяных носках и галошах. Мужчина выключил аппарат и приподнял забрало маски. Перед ним возвышался бородатый старик.

– Здорово. Сосед, значит.

– Виктор, – он снял рукавицу и протянул руку.

Старик руку оглядел, будто раздумывая, пожать или нет, но все ж пожал со словами:

– Мне по хрену. Я тебя Иваном звать буду.

– Это почему?

– Я всех так зову. Мужиков.

– А женщин? Марьями?

– Вот еще, Марьями! Много чести!

– А как же?

Старик полез в карман за папиросами и смачно сплюнул.

– Блядьми да суками. Всех до единой! Скажешь, не так?! Виктор пожал плечами:

– Стервы еще, – вспомнил свою бывшую девушку.

– Стервы... – старик закурил. – Все одно – бляди. Стервы тоже бляди.

– И суки.

– О! Наш человек! – обрадовался старик. – Куришь?

– Угостишь – покурю.

И они закурили.

– Пойдем сядем, – позвал Виктора дед.

Они сели на бревно, плечом к плечу.

– Отец, а Ласточкин – это кто? – спросил Виктор.

– Я – Ласточкин.

– Да ну? В твою честь улицу назвали?

– В мою.

– А чего ты такого выдающегося сделал?

Дед прокашлялся, выбросил окурочек и прислонился к дереву.

– Женился! На бляди. И жил с нею. Чем не подвиг?

С участка соседей послышалось тоненькое, ласковое «Рыжик, Рыжик, кис-кис-кис!», и громко замяукал кот.

– О... вспомни говно...

– А зачем жил?

– Как зачем? – изумился дед. – Помереть-то немудрено! Ты проживи поди!

– Так одному ж можно, без блядей и сук.

– Одному... Ебать сам себя, что ли, будешь?!

Старик засмеялся, а за ним и Виктор тоже не удержался – уж больно хорош был дед: сердитый, да добрый какой-то, бесхитростный, словно дитя несмышленое. Они посидели еще какое-то время, то говорили о жите-бытье, то просто молчали, и было им хорошо вдвоем.

– Слышь, Иван, мне дай ворота приварить.

– Давай, отец, я лучше сам приду.

Старик тяжело поднялся и, волоча ноги, пошел с участка прочь, будто обиделся, что ему сварочный аппарат не доверили, но прежде чем выйти за ворота, произнес:

– Сам так сам. Давай я тебе суку свою пришлю. Она тебе дом приберет.

Виктор хотел было отказаться, да вдруг неожиданно ляпнул:

– А пусть приходит.

И минут через десять пришла «его сука». При ней было ведро, куча тряпок и две пачки чайной соды.

– Не сказал? Деду-то? Про сто тыщ?

– Нет, я ж обещал...

Она немного расслабилась телом, мягче будто стала.

– А звать тебя как, сынок?

– Иваном.

Старушка тихонечко засмеялась.

– Я тебя Витей звать буду. А что ты так смотришь? Сынка моего так звали.

Она прошла на крыльцо, выложила тряпки и пачки с содой и отправилась к большому баку, подставила под кран ведро и пустила воду. Виктор поразился тому, как она все знает в этом доме, будто уже не в первый раз здесь прибирается.

– Ты картошку-то садить будешь иль как?

– А сын ваш, Виктор, он жив?

– Тогда мы посадим. Вот тут, – показала она рукой на землю за сараем. – Земле плохо, если она не родит. Все равно что женщине. Земля рожать должна. Иначе тебя сожрет. А ты вон какой красавец, тебе жить да жить.

Виктор махнул рукой – сажайте. Он взялся было доварить мангал, но ему почему-то хотелось смотреть, как эта женщина будет мыть его дом, но она повернула кран и отослала новоиспеченного Ивана к себе:

– Вить, уважь старика. Иди выпей с ним. Я и стол накрыла уже. А я пока тебе тут все намою.

– А где остальные двадцать шесть домов?

– А и не было их.

– А ваш какой?

– Наш первый. Ласточкина, один.

– А этот почему двадцать седьмой-то тогда?!

– А все потому же. Сынок мой.

– Витя?

– Другого у меня не было. Двадцать седьмого мая родился. Вот и решили, дом двадцать семь по улице Ласточкина.

Виктор взял ведро, полное воды, и понес к дому. Старушка засемила за ним.

– Так это ваш дом?

– Был. Продали. Дед так решил. Он его сам построил. И дерево вон, – она показала на могучую березу, возле которой лежало бревно, – тоже он посадил.

– Выходит, только сына не вырастил, – сказал Виктор, ставя ведро на крыльцо.

Старушка утерла глаза концом платка и завозилась с тряпками, которые принесла для уборки.

– Поди, поди, Витюш, не зли старика.

И Виктор пошел, прихватив сварочный аппарат.

На уютной веранде дома номер один по улице Ласточкина сидел в ожидании старик.

– Явился! – ворчливо поприветствовал дед и добавил: – Иван... – произнес так, будто это было слово обидное, обзывательное. – Куды, куды зад свой пристраиваешь?! – возмутился он. – Сперва иди ворота мне привари... Дармоедов не надо нам...

– Хорошо, отец, – улыбнулся Виктор, этот сердитый старик нравился ему все больше.

Дед вытащил удлинитель. Виктор надел маску и приварил нижнюю петлю у ворот. Затем попробовал – открывалось тяжело и с неприятным высоким визгом. Хотел было смазать, но дед не позволил:

– Не надо.

– Так неудобно же будет открывать. Особенно хозяйке твоей.

– Пусть помучается. Может, надорвется, – сказал дед, сворачивая удлинитель, как ковбой лассо. – А может, я надорвусь. Идем. Сделал дело – выпивай смело.

Они прошли к веранде, где был заботливо накрыт стол.

– Помру, ты стерве не помогай. Ни в чем. Пусть помается без меня, – сказал дед, усаживаясь за стол и открывая бутылку. – Меня похорони. Камень могильный отлить умеешь?

– Не доводилось.

– Научу. У меня и форма готова уже. Сколотил уже... и для раствора все есть. Я покажу, как правильно замешать. Давай свою рюмку.

Виктор взял рюмку, дунул в нее и подал деду.

– За твое здоровье! Рано тебе помирать.

Они чокнулись, выпили. Дед зажевал пучок зеленого лука.

– Да я уж пожил. Дом построил, дерево посадил...

Виктор хотел было спросить про сына, тезку его, Виктора, да не стал.

– Ты, это, Иван, с бородой меня хорони, понял? Не сбивай.

– Отец, ну ей-богу, за здоровье же пили, а ты опять про смерть.

– Стерва бороду мою не любит, говорит, я на лешего похож. Так вот, назло ей чтоб!

– Отец...

– Обещай не брить! – грозно настаивал дед.

– Обещаю... – сдался Виктор и потянулся к пупырчатому малосольному огурчику, откусил его и прикрыл глаза – так хорошо было здесь, в тени, и как приятно вдыхать здешний воздух.

Некоторое время они молча ели, Виктор дивился тому, какая это была простая, нехитрая пища и какая вкусная, благодатная.

– А чего, отец, никто не прижился-то тут?

И борода старика, цвета стога, разделилась пополам темной щелью:

– Хе-хе-хе... Вишь сортир?!

– Ну?

– Я поставил. Года еще нет. Гадишь, будто песню поешь. Деревом пахнет. Так бы и сидел, не вставая. А вон парник новенький, – и дед с хитрым прищуром уставился на Виктора, будто пенял: «Не догадался, мол, откуда добро?»

Виктор логики не находил. Наполнил рюмку себе и своему соседу:

– За твои золотые руки, отец!

В бороде распахнулась яма, и громогласно зазвучал густой хохот вперемешку с кашлем:

– За это выпью! Что есть, то есть!

Они закусили, вкусно причмокивая.

– Это еще не все! – хвастался дед. Ты самого главного не видел. Идем, покажу, – и потащил Виктора в дом, хотя тот идти не хотел.

Дом был небольшой, чистый, уютный. Виктор разулся, за что был обруган дедом:

– Да не снимай ты! Вымоет, не разломится!

И дед провел своего гостя в комнатку, самую крохотную, в одно окошко. На подоконнике цвел бордовый цветок. Занавески белые, аккуратно застеленная кровать с пышной подушкой, сундук и комод.

– Иди, – приказал дед, а сам на пороге остался. – Иди, иди, не робей.

Виктор прошел.

– Открой вон первый ящик. Видишь, платок клетчатый на булавку пристегнут? Разверни. Да не смотри ты на меня, делай, что велено! Это ейная комната, я сюда ни ногой.

Стоя спиной к старику, Виктор развернул платок, достал оттуда жестяную коробочку из-под чая, размером примерно как пачка денег, которую отдали риелтору, открыл ее и увидел фотографию маленького мальчика, а рядом кусочек клеенки с лямками из марли. На клеенке ручкой было написано: *Ласточкина Мария Ивановна. Мальчик. 3890, 54 см. Дата: 27 мая. Время: 14.35.* Виктор похолодел и от волнения едва не выронил коробочку.

– Аккурат сто тыщ. Может, и больше уже! – похвастался дед. – А кто заработал? Я заработал! Пошли дальше пить! – И старик вышел на веранду.

Дрожащими руками Виктор кое-как завернул коробку обратно и убрал в комод. Он еще раз оглядел комнату, милую, уютную, игрушечную будто. Простую и светлую. Заметил портрет на стене над ковром: молодые мужчина и женщина, на женщине фата, на мужчине пиджак. И цветы у них, ровно по середине.

– Ну где ты там? – крикнул дед с веранды, и Виктор поспешил выйти.

Старик откинул салфетку и откусил румяный пирожок.

– А вот с последних жителей, которые теперь дом продают, я аж восемнадцать тысяч взял! Ну зараза такая! Говорил же, не пеки лук-яйцо, с картошкой пеки, сказал! Все равно лук-яйцо испекла. Ну не сука ли она после этого?! Ты че не ешь? – грозно спросил дед.

– Не хочется, – глухим голосом ответил Виктор.

Дед грозно поднялся из-за стола:

– Ты, что ли, обокрал меня?!

И Виктор, испугавшись, что старик отправится проверять деньги, тут же вскочил:

– Ты что, отец! Обыщи, если не веришь! – и пошел вытаскивать из карманов все подряд: ключи, телефон, какие-то замызганные визитки, смятые чеки и кидать на стол.

– Да пошутил я, угомонись... Знаю, что не возьмешь ты. А если бы и взял – я еще зарабатую.

– Как же ты так сумел-то? Пенсию, что ли, откладывал?

– Ну да! – дед вновь сел, вытянул ноги и весь потянулся, и стал еще длиннее. – Ты ж меня про дом спросил. Почему не прижился никто?

– Ну?

Старик разочарованно поглядел на Виктора:

– Я думал, ты умнее, – он тяжело вздохнул, – извожу я их! Вот и не приживается никто. Люди разные: кто-то дольше терпит, кто-то быстрее сдается. Некоторые одолеть меня пытались! На место поставить! Не на того напали! Все равно продали! Ну а мне платят, чтоб я тихо сидел, пока продажа идет! – и старик расхохотался, разливая самогон по стаканам.

Виктор помолчал, переваривая сказанное стариком, а потом выдал восторженно:

– Ну и голова у тебя, отец! А меня теперь как изведешь?

– А тебя не трону, живи.

– О как! И чем это я тебе приглянулся?

– Хороший ты, Иван, – сказал он, будто бы с грустью...

– Откуда знаешь?

– Вижу!.. Марью тебе надо.

– Не суку?

– Это ты сам решаешь. Я же тоже думал, что моя не блядь.

Виктор взял стакан:

– За твою светлую голову, отец! И за хозяйку твою.

Старик хотел было выпить, уже и рот раскрыл, но вмиг озверел:

– За нее пить не буду! – крикнул он обиженно, размахнулся и швырнул рюмку о стену туалета.

– Ты чего, отец?.. – растерялся Виктор.

Но старик не ответил, пошел в туалет, рывком открыл дверь и силой захлопнул ее. Виктор опрокинул в себя уже, должно быть, третью или четвертую рюмку и почувствовал, что совершенно не пьян, будто воду пьет. Хотел было уйти, вовсе уехать, но не смог сдвинуться с места, так и сидел за столом, пока дед не вышел.

– Не пил за еиное здоровье? – спросил он обиженно.

– Не пил.

– А за что пил?

– За твою светлую голову.

– Тебе тоже придумать надо, как заработать, если тут жить собрался. В город мотаться далековато.

– Мне денег не надо. От них зло.

– Это верно. Но жрать что-то надо.

– А я картошку жрать буду! Которую вы на моем участке сажать собрались.

– Дык мы для себя садить будем.

– Тогда я сам вас изведу.

Старик аж весь засиял:

– Нравишься ты мне, Иван. Свой ты какой-то. Родной будто.

И тут Виктор почувствовал, что он в глубоком хмелю. Дед дал ему сигарету, они закурили.

– Ну, добить надо, – сказал старик, тряся бутылкой, на дне которой плескалась жидкость.

– Не, мне хватит, – ответил Виктор.

– Оставлять нельзя, примета плохая. Ну, за руки мои пили, за голову тоже. Давай выпьем за тебя. За твою жопу!

– Почему за жопу? – вяло возмутился Виктор.

– Чтоб не пришлось ее из всяких передряг вытаскивать. А чего ты так смотришь? За что еще пить? За здоровье твое? Так ты и так как бык. Умом, я смотрю, ты не блещешь, руки у ты из жопы растут – ворота и те приварить не сумел. Только за жопу и остается.

Виктор не выдержал и засмеялся – уж больно чудной был старик.

– Не хочешь пить за жопу, давай... – он засучил рукав и выставил кулак, согнув руку в локте. – Чтоб стоял хорошо.

– За это выпить – святое дело. Хотя я и так не жалуюсь.

– Раз не жалуешься... Давай тогда... бог с ней! За здоровье моей хозяйки!..

И он чокнулся с Виктором и опрокинул рюмку в себя. Виктор посмотрел в сторону туалета, куда давеча улетела рюмка, и тоже выпил, но через силу – в него уже не лезло.

– Помрет если – кто за мной ходить будет? Ты, что ли?! – дед съел последний огурец и утер рот рукой. – А теперь идем!

– Куда?.. – слабо спросил Виктор.

– Как куда? На кладбище!

– Сейчас?!

– Покажу, какой памятник надо будет, – дед взял Виктора за предплечье и приподнял из-за стола.

Они пошли к воротам. Виктора заносило чуть вперед, дед остановился и вслед ему посмотрел:

– Слабак ты, оказывается, Иван!

Дед повел его вглубь огорода, в котором аккуратно была вспахана земля. Бурая, казалась она ласковой постелью. «Так бы и упал в нее, матушку-землю...» – подумал Виктор и поразился тому, что именно такими словами и думает: «матушка-земля»... И тут же почувствовал холодную воду на лице и жесткую ладонь деда, которая утирала его.

– Длань свою... отними... от лица моего!.. – пробурчал Виктор и поразился еще больше, будто это не он такие слова сказал.

– Длань! Лико! Слова-то какие знаешь! Иван и есть! – и долго-долго умывал его холодной водой, пока Виктор не взбодрился.

Дед подвел его к веревкам, на которых сушилось белье, утер первым же попавшимся – ночной рубашкой Марии Ивановны, не снимая, только прищепки отскочили.

– Все-все, отец. Я сам.

Через забор Виктор увидел, что вышла на крыльцо Мария Ивановна, она вытряхивала какой-то половик. Увидела их, улыбнулась и закивала.

– Пирожки – объединение! – крикнул Виктор, и женщина закивала еще охотнее и заулыбалась шире.

– Идем! – скомандовал дед.

Виктор потянул на себя калитку – открывалась она и правда тяжело.

– Рабочничек! Куда собрался?

– Сам же сказал, на кладбище!

– А это, – дед показал рукой на сварочный аппарат, – тут оставишь? А дождь пойдет?

И они понесли сварочный аппарат к деду в сарай, под крышу. Там дед показал своему «Ивану» некое сооружение, сколоченное из досок.

– Это вот форма. Для памятника. Я сколотил. Вон полиэтилен. Подстелешь его, на ровную поверхность, – дед потряс кривым указательным пальцем, – положишь эту вот хреновину и зальешь, понял? Как застынет – сломаешь каркас. Как намешать, покажу, когда трезвый будешь. Там голова нужна.

И они отправились по деревне в сторону кладбища. Улица Ласточкина с домами номер один и двадцать семь располагалась чуть дальше от прочих домов. На отшибе, почти у самого леса. Когда вышли на центральную улицу, Виктор увидел, как беспечно слонялись куры, сидели возле некоторых домов старухи, а главное, звонко галдя, носились туда-сюда дети, кто в чем, а некоторые босые, чумазые, лохматые, но веселые – все. Виктор не смог не улыбнуться.

– А вот тут, – хвастался дед, – тоже блядь живет. Так себе, мертвая. Кстати, Марьей звать. Теперь совсем старуха, хуже моей, хотя моложе. А там, вишь, крыша синяя, эта получше была. Сиськи крепкие, веселые такие! Розовые, теплые, сладкие, как поросята молочные! Ох, любил я их жамкать, передать не могу! А как скачут они!..

– Ты всю деревню, что ли, поимел?

– Ну не всю!.. Только этих двух, – не без гордости сказал дед. – Третья еще была, но она уже в ящик сыграла. Тоже, кстати, я памятник отливал.

По дороге, если собака какая попадалась, дед садился и ласково трепал ее, давал облизать свое лицо, а с людьми не здоровался почему-то. И они с ним тоже. Только с любопытством осматривали Виктора и шли дальше. Да и встретилось-то им всего два-три человека, хотя шли они довольно долго. Улица недлинная оказалась – ее они прошли быстро, но надо было еще вдоль трассы шагать.

– Чтоб пешком донес меня, понял?! Я в машине трястись не хочу, – только и сказал дед, пока они шли по обочине.

Кладбище находилось в поле. Оно, как и деревня, было небольшим, без общего забора, просто надгробные камни с оградками.

– А вот и она. Третья моя бл... Ладно уж, Марья. О мертвых либо хорошо, либо... Давай тут присядем. Устал я, – и он улегся на траву и левую ногу поднял. – Помоги-ка мне задрать на оградку, отекла, зараза.

Виктор помог, затем взглянул на памятник. Женщину звали Любовь. Имя ее было крупнее, чем фамилия и отчество. Годы жизни недалеко друг от друга ушли.

– Молодая еще, Любовь... – грустно констатировал Виктор. – А отчего умерла?

– Убили, – ответил дед, глядя в небо.

– Кто?!

– Муж. За измену.

– Почему не тебя, а ее?

– Хороший вопрос. Очень правильный вопрос. Надо было меня убить. А ее просто побить, – старик задрал и вторую ногу тоже, оградка мелко пошаталась и едва слышно прозвенела. – Наверно, трус потому что.

– А где он? В тюрьме?

– Он и на это трус. В земле он, вон там, – дед махнул рукой, – там самоубийцы у нас. Их немного. С нормальными людьми не хоронят таких. Ему я камня не делал. Только ей.

Дед задремал. Виктору захотелось оставить его тут и уехать вовсе. Он лишь хотел узнать, что это за улица такая, Ласточкина. И дом покупать не собирался он – риелтор сама навязалась, и старушка эта резко так, будто из-под земли, со своими деньгами... Виктор ругал себя за то, что не сунул ей эти деньги обратно, растерялся как-то от неожиданности. Не планировал Виктор оставаться, отпуск свой здесь проводить: набирал в поиске «Ласточкино гнездо», в Крым хотел, а не в деревню. И вместе с «Ласточкиным гнездом» вышло объявление о продаже дома номер двадцать семь по улице Ласточкина. Вот он и поехал посмотреть, что это за улица такая, о которой он никогда не слышал... и встретил возле дома риелтора, которая ждала другого клиента, а тот не приехал...

Виктор глядел в лицо старика, пока тот спал. Жадно рассматривал каждую морщинку, каждый волосок бороды, к дыханию его прислушивался, будто желая понять, как же устроен этот человек. Виктора тоже вроде бы клонило в сон, но ему было жаль спать, да и слишком он был взволнован этим неожиданным днем. Мужчина присел и устался на задранные к оградке ноги старика, а между ними как раз было слово «Любовь» с памятника, который старик сделал своими руками для своей любовницы...

По трассе проехала фура, длинно и протяжно просигналив, от этого старик проснулся. Несколько секунд растерянно моргал, пытаясь понять, где он находится, и увидел Виктора.

– Я думал, ты ушел.

– Как можно, отец...

– Я бы ушел, – сказал он и пошевелил ногами. – Помоги-ка опустить. Лишка перележал, кажется. В другую сторону затекли теперь.

Виктор помог ему встать на ноги.

– Слышь, Иван. Ачто ты меня все отец да отец. Ты ж мне не сын!

Виктор пожал плечами:

– Ты не сказал, как звать тебя...

Виктор ожидал, что старик назовет свое имя, но повисла пауза.

– Тогда Иваном звать буду. Как и ты меня.

– Иваном... Да, Иваном – это хорошо, это значит – мужик. Но отец – лучше. Так меня еще никто не называл.

Виктор отряхнул старику спину.

– Вон там мать моя. Я тогда еще камни делать не умел. Идем, поклонимся.

Они подошли к другой оградке. Виктор думал, что они рядом с матерью его постоят какое-то время, а дед перекрестился только перед ней да сказал:

– Гляди, мать. Какой Иван! Виктором звать, – и пошел дальше по кладбищу.

Мать звали Вера. И фамилия у нее была Ласточкина. Камень видно было, что другой человек делал.

– А вот тут, – сказал старик, – первый наш житель. Дома твоего. Так что те, которых я извел, еще хорошо отделались! Продали да уехали.

За желтой оградкой, у ее левого края, стоял памятник. «Егор» было на нем написано. Кажется, старик удивился, что Виктор не задает вопросов, а просто смотрит.

– Это он блядь мою блядью сделал!.. – глаза его потемнели. – Я дом построил, когда еще молодой был, когда женился только. Земли много, нам столько не надо было. А с домом продать дороже. Построил и продал. Ему. Пил с ним. А он!..

А они!.. – старик разволновался и говорил с памятником, который сам же сделал, будто с живым человеком. – Я спалить хотел тот дом!.. Их обоих! Запереть там, и чтобы горели! А потом думаю: не-е-е, брат! Я глаза твои видеть хочу! Ее-то я побил, а его не тронул. Пока думал, как его со свету сжить, он сам повесился.

Виктор и старик помолчали. Ветер, будто желая утешить людей, ласково выдыхал им в лицо.

– А чего же он тут, а не там, где самоубийцы?..

– А я сказал, что это я его задушил! Чтоб хоть на нормальном кладбище лежал. И камень, вишь, сам ему сделал.

– И не посадили тебя?

– Лучше бы посадили. Я б не жил с ней... Я уж и вещи теплые собрал, мешок приготовил, думал, придут за мной. Не пришли. Сам ходил – не взяли. И здороваться перестали, – дед показал на место рядом с холмиком. – Вот тут мое место, понял? А уж вот тут – ейное. Смотри, не перепутай! Чтоб я между ними лежал, они чтоб не рядом. Не сделаешь по-моему, ночью являться стану! Изведу!

Набежали тучи, закрыли солнце, и стало прохладно.

– Идем домой. Замерз я что-то на земле лежать. Не прогрелась она еще, хотя жара с апреля стояла.

– Так ночи холодные были... – зачем-то произнес Виктор, не зная по правде, какие именно были ночи, холодные или теплые, потому что спал у себя в квартире на одиннадцатом этаже.

Они вышли на трассу и шли молча до самой деревни. Старик все ворчал и плевался. Виктор почувствовал, как дико устал он, всей душой вымотался, и еще раз пожалел, что приехал сюда. И поругал себя за то, что в поиске вбил это «Ласточкино гнездо»... И что он узнать хотел? Лучше б сразу туда поехал, к морю... «Надо, надо уехать и забрать этот залог», – думал он, пока они шли обратно.

На деревенской улице возле дома с синей крышей стояла молодая женщина неслыханной красоты, у Виктора аж рот приоткрылся. Старик это заметил:

– Дочь той, второй моей!.. – пояснил он.

– У которой сиськи, как молочные поросята?

– Ага, она самая! Твоих годов где-то, тебе лет сколько?

– Тридцать два.

– И ей примерно столько же. Разведенка, детей нет, – шепнул старик и добавил уже громче: – Что, Дарья, без дела стоишь?

– Корову встречаю, дядя Гриша, – ответила она, а сама на Виктора глядит.

А Виктор, когда услышал, что старика Григорием зовут, весь с лица сошел...

– Теленок-то растет? Сколько ему уже?

– Четыре месяца, дядя Гриша.

– Знакомься.

– Даша. Здравствуйте, – ответила она застенчиво.

Старик поглядел на Виктора, но тот так и не представился.

– Если что приварить надо – его зови.

– Нам отопление поменять бы, – не растерялась Дарья.

– Он завтра придет, да, Иван? Подешевле сделает, – старик хлопнул его по спине, отчего

Виктор кивнул, сказав «угу».

– Муж-то не приезжал больше?

– Нет...

– И пусть только сунется! У меня бензопила есть.

– Знаю, дядь Гриш.

И Виктор, не помня себя от усталости, потрясения, медленно пошел в сторону улицы Ласточкина. Какое-то время еще до него доносился их разговор:

– Дома мать твоя?

– Дома.

– Ходит к ней кто?

– Дядя Гриша!

Виктор не мог больше выносить этого имени. Он и не заметил, как попал в коровий поток. Очнувшись, когда одна из коров ткнулась ему в щеку слизким мохнатым носом.

– А вон и Мариванна наша! – крикнула Дарья. – Побегу, дядь Гриш! Доить!

Кое-как доплелся Виктор до улицы Ласточкина, старик, видимо, задержался в доме с синей крышей, потому что не нагнал Виктора. Мужчина открыл свою машину, достал из бардачка алкотестер и дунул в него, прикидывая, сможет ли уехать сейчас. Но появилась, опять же с ведром и тряпками, но уже без соды, она.

– Сынок, я тебе намыла все. Белье чистое застелила, живи! – сказал она, и ласково на него взглянув, пошла к своему дому.

Виктор смотрел ей вслед, пока она не скрылась. Ворота, которые он приварил, старушка открыть не смогла, пришлось ей ведро поставить и всем телом навалиться – только тогда они поддались. «Ладно, устал я. Завтра проснусь и уеду!» – твердо решил Виктор.

Мужчина прошел во двор, голова его закружилась, он присел на бревно, прислонился к толстому стволу березы, что посадил когда-то дед Григорий, и уставился на крыльцо дома, который когда-то построил старик и который вымыла его Марья.

Когда начали спускаться сумерки, Виктор услышал, как вернулся Григорий, старик чертыхнулся на тугие ворота и громко захлопнул их. Виктор подумал, что сейчас к нему пойдет либо к себе позовет, но дед не зашел и не позвал. С веранды, где они недавно сидели, доносилась возня – должно быть, муж с женой ужинали. Они почти не разговаривали, только слышно было, как старик время от времени кашлял. Виктор почему-то обратил внимание на то, что береза молчит, хотя ветерок на своей коже он ощущал. Листья ее были еще молоды, малы, потому, наверно, не перешептывались.

Мужчина вошел в дом. Пахло в нем свежесмытыми полами, и кровать стояла пышная. Виктор хотел было рухнуть и уснуть, но решил, что прежде нужно ополоснуться. Возле руко-

мойника лежал совсем еще не тронутый сухой кусок мыла и висело чистое полотенце – Мария Ивановна позаботилась. Виктор разделся до пояса, хотел было умыться тут, в доме, но раздумал и пошел в сарай. Там нашел он вполне себе шланг, надел его на кран бака, где старушка днем набирала воду, снял с себя всю одежду и зафыркал, когда вода коснулась его. Мыло то и дело выскальзывало из его рук, он ронял его в траву, поднимал и продолжал натираться. Затем обтерся чистым полотенцем.

Босыми ногами прошелся он по полу, потоптался на половике, затем лег в кровать и долго лежал, глядя в темноту, хотя и хотел спать. Но глаза его не закрывались, и он сам с трудом мог пошевелиться. Позже Виктор все-таки уснул. Глубоко, будто умер. А когда проснулся, обнаружил, что спит в той же позе, в которой лежал вчера. Он перевернулся на бок и увидел на столе завтрак: пузатый термос, каких теперь уже не выпускают, небольшую сковородку и что-то еще – с кровати было не разглядеть. Некоторое время Виктор лежал, глядя на свой завтрак. Затем встал, хотел было надеть свою вчерашнюю одежду, которую скинул возле входа, но не обнаружил ее там – вместо нее висела другая рубашка и другие штаны. Виктор догадался, что Мария Ивановна забрала постирать его вещи. Он оделся и сел за стол. Открыл крышку сковороды – на него огромными желтыми глазами глядела яичница. В термосе оказался чай, заваренный на травах. Он отпил душистого чаю и вот только сейчас почувствовал, как чист он телом, в чисто намытом доме и чистой одежде. Виктор выпил весь чай, но поесть так и не сумел. Слабость одолела его, и он вновь лег...

Проснулся он оттого, что Мария Ивановна тихонечко чихнула. Виктор вздрогнул и взглянул в окно, там была уже темень.

– Ты, сынок, запирайся на ночь. Мало ли...

Виктор хотел было встать, но голова закружилась и загудело в ушах.

– Ты не заболел, сынок? Не ел ничего.

– Забыл, как глотать, – слабым голосом ответил Виктор.

– Я оставлю тебе, если вдруг проголодаешься, – сказала старушка.

Виктору захотелось, чтобы она подошла к нему, присела с ним, но она этого не сделала, пошла к выходу и, закрывая дверь, произнесла:

– А хочешь, к нам приходи. Вместе поужинаем. Я и одежду твою принесла, вон там положила. Солнце сегодня было, быстро все высохло.

– Мария Ивановна...

– Что, сынок?

– Почему вы так добры ко мне?

Она застыла у двери, подыскивая верные слова.

– Тут... Дарья заходила, тебя спрашивала. Говорит, что ты обещал ей... приварить что-то.

– Это не я обещал, а он. Пусть идет и варит сам. – Виктор вдруг удивился тому, что деда Григория он называл «отец» и на «ты», а жену его по имени-отчеству и на «вы».

– А хочешь, я тебе тут занавески повешу? Уютнее будет.

– Это не мой дом.

– Ну, на месяц-то твой.

И Виктору показалось, что она, таким образом, ему про деньги напомнила. «А может, это аферисты какие-то, может, заодно они, развести меня хотят как мальчишку?» – подумал Виктор, но вслух не сказал. Старушка вдруг, будто прочитав его мысли, резко и решительно направилась к столу и принялась на нем возиться.

– Не годится это, сынок. Ты от голода ослаб. Я бульону сделала. Давай-ка сама покормлю.

И вновь она села возле Виктора, который застеснялся сначала, не хотел, а когда она поднесла ложку, осторожно выпил с нее ароматный бульон.

– Я уж не настолько слаб, Мария Ивановна.

– Лежи-лежи, – тихо сказала она и продолжила кормить его. – Сегодня у Макаровых, у Даши, кстати, теленка закололи. Вот и мы с дедом мяса прикупили маленько.

– Знает ваш дед, как деньги зарабатывать. И не жаловались на него жильцы здешние?

– Как не жаловались? Еще как жаловались! Только он законов-то не нарушает. Ходит в чем мать родила – по своему участку. Песни горланит – тоже не с ранья и не ночью. А что приходит к ним – так это он у меня общительный.

– А я чем ему приглянулся?

– Так ты ж еще дом не купил! – отшутилась Мария Ивановна. – Вот купишь, тогда и поглядим, что он с тобой сделает.

Виктор не смог не улыбнуться, и старушка, увидев, что он улыбается, вся засветилась. Бульон в миске уже закончился, но Мария Ивановна осталась сидеть на кровати рядом с Виктором.

– Мария Ивановна, а этот... Егор, который тут жил. Как он умер?

Виктор думал, что женщина разволнуется, а она и бровью не повела:

– Ты не бойся, сынок. Я уж тут святой водой, не раз... И батюшка приходил. Чисто здесь. Да и Егор человек был хороший. Руки у него лечебные были. Он меня от бесплодия вылечил... Только вот... Сына-то я родила. А вырастить не сумела.

– А что этот Егор делал? Как именно лечил?

– Как-как... руками, словами. Дыханием. Вот тебе сколь годков?

– Тридцать два.

– А мне тридцать три было, когда я родила. А деду – тридцать шесть. Егор с Григорием подружились сначала. Егор спрашивал, отчего это у нас детишек нет. Хотя ему и спрашивать не нужно было – они так все видел. Пришла я раз к нему. Он уложил меня вот сюда, на эту кровать, а сам стоит надо мной. Руки мне на живот положил, поглаживать стал, шептал чего-то. И мне тепло стало! Я и забылась от тепла того.

– И после этого вы забеременели?

– Не сразу. Я еще ходила к нему. Он водил по мне руками, косу расплел однажды. Пошепчет что-то на кончики пальцев, а потом мне в голову эти пальцы. Потрет-потрет и по волосам до конца ведет. Потом вновь руки на живот положит и опять шепчет, в самое ухо.

– А на грудь он, случайно, руки не клал?

– А как же! – ничуть не смутилась Мария Ивановна. Клал и на грудь. Молока чтоб вдоволь было.

– Все ясно. И правда, чудо, – иронично заметил Виктор, но старушка не уловила интонацию, видимо, потому что слишком чиста была душою.

– Да я уж не помню, чего только он не делал, сынок! Тут коснется-пошепчет, там коснется-пошепчет, и так легко на сердце. Я даже сознание теряла, вся какой-то... благодатью будто наливалась. И вот так сходила к нему несколько раз и понесла потом.

– А с ребенком-то что? Умер?

– Не знаю, сынок... если бы умер, я бы почувяла. Жив, жив мой сын! Григорий не велел мне его забирать. Беременная была, не тронул. Если и ударит, то по лицу или за волосы, но живот не трогал. А когда я рожать поехала, сказал, если я с ребенком ворочусь, обоих убьет. И оставила я его. А я сама к мужу вернулась...

– А других детей почему не было?

– Бог не дал. Хотя я надеялась... И сына забрать хотела, все упрашивала мужа, но он не верил, что это его сын. Я думала, остынет маленько, и мы за ним съездим. Так годы и прошли.

– Не остыл... стало быть...

Мария Ивановна увидела, что Виктора потрясла эта история, и решила оставить его. Он поднялся с постели, чтобы проводить ее.

– А целитель, Мария Ивановна, вас одну лечил?

– Что ты! Вся деревня к нему ходила!

– Что, все бесплодные?

– Почему? С разными болезнями ходили. У кого голова болит, у кого спина. Всех лечил.

– Только женщин? Или мужчин тоже?

– Только женщин. Мужчин он не видел. А женские болезни – сразу!

Виктор усмехнулся: «Не видел, значит! Ну-ну». На этот раз, старушка, кажется, уловила сарказм:

– И вовсе не о том ты думаешь, сынок! К нему и детей водили! Он и их лечил!

– Да понял я, Мария Ивановна, понял. Чудотворец был ваш Егор. А что умер-то тогда? Да еще молодым.

– Это уж одному богу известно. Я когда поняла, что Господь мне дитя послал, пошла сказать ему, Егору, спасибо. Сказала, а он долго смотрел на меня, руки на живот положил и говорит: «Да, свершилось». А потом: «Мария, я преступил. Проводи меня». Я думала, он уезжать собрался, говорю, конечно, помогу! Что, где, вещи уложить, суечусь... Обернулась, а он уж стоит вот тут, – она показала на то место возле двери, рядом с Виктором, – с веревкой, в глаза мне глядит. Я и ахнуть не успела... как он... «Прощай, Мария, сына родишь», – сказал и повесился.

Она перекрестилась.

– Я думаю, он все равно в рай попал. Раз такой дар у него был. Сварливые от него ласковыми уходили, больные – здоровыми. Пойду я, сынок. Дед осерчает. Засиделась я у тебя.

– До свидания, Мария Ивановна. Спасибо за ужин.

Она вышла было, да обернулась на Виктора:

– А что ты меня Мария Ивановна, а его – отец? – сказала она с какой-то не то болью, не то обидой.

– Так он... не представился... вот я и... – растерялся Виктор.

– Так и я не представилась, – ответила она с улыбкой, – как узнал-то? Дед меня по имени уже лет тридцать не называл.

И они глубоко поглядели друг другу в глаза, и оба, не выдержав этого взгляда, поспешили расстаться.

Виктор в ту ночь не спал совсем. Может, потому, что днем отоспался, а может, потому, что не мог, все думал, думал. То в доме сидит, то лежит, то во двор выйдет. Услышал, наконец, березу. Еще вчера молчала она, а сегодня едва слышно зашептала листьями. Виктору почему-то хотелось взять Григорьеву бензопилу и спилить ее, березу эту, только потому что он, Григорий, посадил ее. Вскоре зазвучал соловей, так красиво пел, на разные трели. Виктор слушал и не верил, что одна маленькая птичка может издавать столько звуков. Пел соловей долго, звал к себе соловушку, звал, звал, а она все не шла к нему... Виктор недоумевал, отчего не уедет? Ведь собирался же. А опять вон день прошел. Больно ему здесь. Свежо, воздух хороший, люди добрые, дом чистый, еда вкусная, и все это невыносимо больно, будто душа вся выворачивается, рвется на куски, и уж не собрать потом, не собрать за всю жизнь! А может, душа у него и была в клочья, вся в дырах, прорехах, и вот только теперь она срастается в нечто целое, а это, быть может, еще больнее, чем когда рвется...

Как начало светать, Виктор заметил, что земля за сараем, там, где Мария Ивановна собралась картошку сажать, наполовину перепахана. Вручную за день так не вскопаешь, работали культиватором – многих, видать, старик извел, раз сумел накопить на такой агрегат. Когда еще больше побелела ночь, становясь днем, Виктор заметил, что вышел Григорий и направился к своему красивому ароматно-древесному туалету. Дед Виктора заметил, но не поздоровался, и Виктор ничего ему не сказал.

Весь следующий день Виктор не спал так глубоко, как накануне. Он просыпался, слышал, как опять приходила Дарья, спрашивала его, а старики, которые пахали землю, ее отослали,

сказав, что Виктор болен и придет, как поправится. Григорий заметил, что, если уж так срочно, он и сам все сделает, но Дарья не захотела. Быть может, двух зайцев убить надумала: с мужем поближе познакомиться и отопление в доме сменить. А может, просто не доверяла старику такую важную работу. Виктор то и дело проваливался в сон и то и дело просыпался, всякий раз надеясь, что все это ему приснилось, что он проснется в своей постели, а еще лучше – на Черном море, в Крыму, близ Ласточкиного гнезда. А когда ему приснился сон, что он и правда проснулся на берегу Черного моря, он испугался и пожалел, что находится не на улице Ласточкина села Шимёлка. Виктор долго не мог проснуться, мучился во сне, ходил по пустынному пляжу босой, и ногам его было больно. И когда он наконец проснулся от собственного стога и увидел, что все-таки лежит в постели, которую ему приготовила Мария Ивановна, он расплакался, закрывая себе одеялом рот, и кровать затряслась от его рыданий. И Виктор совершенно не смутился Марии Ивановны, которая была в доме – принесла ему ужин. Она, как и вчера, села к нему на кровать, обняла его, он хотел было высвободиться от ее слабых коротких рук, но вместо этого, напротив, весь устремился к ней, прижимая одеяло к своему лицу, пряча свое лицо от нее, не обнимая ее, а она все приговаривала: «Все, все, успокойся, сынок, это сон, это просто сон», – и вновь Виктор не знал, где сон: сейчас тут с ней или там, где он один и где ему больно. Хотя и здесь ему тоже было больно, но вместе с тем и блаженно тоже. Он увидел, что дед Григорий сидит у двери, там, где Егор повесился, и что старик вроде бы уменьшился, хотя такой же большой и густобородый, как был. И показалось Виктору, что болит у старика сердце, прямо кровью обливается сердце его, и он будто не знает, куда бы из себя удрать, вон выбежать, и рад бы он был в ту минуту, если бы и его кто-то извел, со свету сжил, он бы и денег никаких на это дело не пожалел, и все женщины были бы для него Марьями, Мариями, как мать Христова, в которого он ни дня в своей жизни не верил, равно как и Виктор.

Одна только Мария Ивановна Ласточкина верила, она-то и вымолила, должно быть, встречу эту...

Очнулся Виктор только глубокой ночью, когда сидел за столом и ел котлеты, которые оставила для него старушка. И увидел, что и миска перед ним пуста, и он понял, что в ней была гречневая каша, которую он съел, хотя и не помнил как. «Рассветет – уеду», – твердо решил он.

Проснулся рано, как раз на рассвете. Переоделся в свою одежду и был таков.

На трассе он остановился у кладбища, пошел туда, сам не зная почему, и сидел у памятника Егору, пока не начало припекать. Но даже тогда он не ушел. Виктор все пытался понять, действительно ли Егор – целитель или просто охочий до женщин хитрец, каких свет не видывал. Избавил ли он Марию Ивановну от бесплодия или попросту трахнул ее, выдавая это за магический ритуал? И понимал Виктор, что не насидит он ответа на этот вопрос, сколь бы ни сидел, хоть дырку в этом памятнике прогляди – не будет ответа. Но все равно сидел...

Вдруг ему до смерти захотелось вернуться обратно на улицу Ласточкина. Смутившись этой мысли, он тут же внушил себе, что хочет Дарью-красавицу поиметь, как Григорий имел в молодости ее мать. Посмотреть, какие сиськи у Дарьи: как молочные поросята или как яблочки, а может, на крысиную мордочку похожи. Пока ехал обратно, с ужасом понимал, что не за этим он остается, но твердо решил: нет, из-за Дарьи! Из-за Дарьи, и точка! Чтобы утвердиться в этом, он развернулся через двойную сплошную и поехал на рынок купить труб и остального, необходимого для замены отопления в доме. «К тому же я сварочный аппарат забыл у Григория, мы ж к нему в сарай поставили!» – обрадовался Виктор. И за этим он тоже возвращается, две причины у него: сварочный аппарат и выяснить, какие сиськи, на что похожи.

Он припарковался у дома номер двадцать семь, вышел из машины, вошел во двор и сильно удивился, не увидев своих соседей, – он ожидал, что они сажают картошку. Виктор взгляделся в заборные щели – пусто. Стариков нигде не было. Мужчина боролся с желанием пойти к ним, но счел это слишком уж... неудобным и поймал себя на мысли, что ему стыдно

за вчерашнюю свою истерику, и он уверился, что не было этого, он просто лег и уснул, и ему все приснилось. Сел возле березы, но долго высидеть не смог. Решил, что повод войти к старикам – его сварочный аппарат, и пошел. Он забрал его и осторожно заглянул в дом. Позвал старушку по имени-отчеству. Никто не отозвался, войти он не стал. И так горько ему стало, что и передать нельзя. Он подумал, что они исчезли и он их больше никогда не увидит. Умом Виктор понимал, что они, скорее всего, отправились куда-то по делам, что рано или поздно домой вернутся, но сердце не принимало таких размышлений.

Загрузил сварочный аппарат в багажник, сам не зная, что делать дальше: идти к Даше или ждать стариков, а может, вовсе уехать... И тут он понял, что жутко голоден, и отправился в дом, будучи уверен, что найдет там что-то съестное. Войдя, Виктор вздрогнул: старики сидели на его кровати, плечом к плечу. Оба одновременно подняли головы и уставились на него. Более прекрасных глаз Виктор не видел в жизни своей... Может, потому, что редко людям в глаза глядел? И Григорий, и жена его так чисты были в то мгновение, что показалось Виктору, будто перед ним молодые мужчина и женщина с того портрета, который он заметил в комнате Марии Ивановны. Еще мгновение, и Виктор бросился бы к ним, но чтобы этого не произошло, он сказал веселым беззаботным голосом:

– Я на рынок ездил. Трубы для Дарьи, чтоб отопление сменить, – и почувствовал, что прирос к полу, будто собственные слова его пригвоздили.

Григорий хотел было что-то ответить, уже и рот раскрыл, но жена его опередила:

– Мы так и поняли, сынок. Мы так и поняли.

Остаток дня они втроем сажали картошку на участке, который никому из них не принадлежал. Приходила Дарья, но она, даже не войдя, увидела, что все заняты, и не стала мешать, постояла немного у ворот – полюбовалась будто, и ушла. Виктор краем глаза заметил Дарью, но виду не показал и удивился, что не женщину красивую выбирает в эту минуту, а стариков с картошкой и землей, и даже будто бы чувствовал, как земля ему отзывается, благодарит за то, что дает ей родить, – это было ему много важнее. Мария Ивановна время от времени бегала в дом вынести чего перекусить и предлагала сперва Виктору, но ему хотелось работать на пустой желудок – так он лучше ощущал это простое событие. А вот дед Григорий суетился, с видом обиженного ребенка съедал все, что его жена выносила, и немного гавкал на нее, что не ему она предложила пищу, хотя и сам он то и дело поглядывал на Виктора, и сердце его радовалось оттого, что этот человек рядом, работает вместе с ними. И Мария Ивановна подметила это у мужа, и ее сердце тоже радовалось, да так жадно, будто это последняя радость в жизни.

Так вышло, что всю картошку они посадили только у Виктора – не хотела Мария Ивановна оставлять землю пустой, а на свою им уже не хватило.

– Теперь земля на тебя не в обиде, – улыбнулась Мария Ивановна. – Она родит, а значит, ты жить будешь. Долго и счастливо.

– А вы как же? – спросил Виктор, очищая черенок лопаты от земли. – Без картошки-то?

– А наша земля годик передохнет. Она у нас каждый год родит. А тут, гляди, на всех на нас хватит картошки.

– А если не куплю я дом? – улыбнулся Виктор и понес лопаты в сарай.

– Не ты, так другие купят, – неожиданно огрызнулся дед Григорий. Он стряхивал и сворачивал мешки, в которых была картошка. – Ну а я в долгу не останусь!

После работы дед и Виктор присели перекурить, а Мария Ивановна пошла тем временем топить баню. Пока мужики мылись, старушка приготовила им чистой одежды в предбаннике, холодного пива принесла, чтобы посидели они вдвоем, а сама спать ушла.

Но ей не спалось. Она лежала в своей маленькой комнатке и сама не знала: то ли счастлива она, то ли глубоко несчастна. Она будто замерла перед чем-то очень важным в своей жизни, которое вроде бы и настало, а вроде было еще впереди. Старушка услышала, как вошел муж и подошел к ее комнате, в которую не входил никогда. Стоял на пороге, потом присел у

него, а вскоре и вошел. Мария Ивановна протянула к нему руку, но руки он не взял, хотя ему очень этого хотелось.

– Иди-ка, чаю мне приготовь, – проворчал он.

Вместо этого Мария Ивановна отвернулась к стене. Она впервые в жизни ослушалась своего мужа, а он впервые за это не ругал жену, не бил ее. Он и спать-то не пошел, а сидел возле нее, будто была она больна или мертва.

– Уедет. Как пить дать, – через некоторое время произнесла Мария Ивановна.

И Григорий тоже это понимал и никак не мог придумать, как Виктора подольше возле себя оставить, и в то же время говорил себе: «А пусть катится!» А Виктор спал чистым спокойным сном в доме номер двадцать семь, на всякий случай заперев на ночь дверь, как советовала ему Мария Ивановна.

Утром он проснулся даже раньше нее в наиболее и наилучшем расположении духа и сразу отправился к Дарье, прежде оставив записку на столе. Дарья ему обрадовалась и провела в дом. Чуть позже подошел и Григорий, и они вместе с Виктором очень слаженно принялись за работу. Старик от этого труда в чужом доме возрадовался и расцвел, даже помолодел будто. Дарья то исчезала по дворовым делам, то вновь возвращалась к мужикам, крутилась возле них, не то желая угодить, не то понравиться Виктору. А мать ее, бывшая Григорьева любовница, глядела на них и старалась как-нибудь грубо задеть старика, задирала его всячески, но Виктор в этих обидных словах услышал нежность и тоску по былым временам. Быть может, мать Дарьи надеялась когда-то, что Григорий с нею будет жить, а не с Марией Ивановной, а может, и до сих пор хотела этого.

Дней десять возился Виктор с заменой труб в доме у Дарьи. С каждым новым днем Дарья была все краше – она пыталась скрыть свои старания хорошо выглядеть, но Виктор не мог не заметить, не мог не почувствовать, что Дарья желает его. И он ее тоже желал, но в доме постоянно находилась ее мать, а если и выходила, то во двор, ненадолго. И Виктор совершенно не думал о том, что скоро ему придется проститься со всеми этими людьми, ему казалось, что он всю жизнь жил и работал здесь. Дед Григорий, не смущаясь жены своей, каждый день спрашивал у Виктора, каковы у Дарьи сиськи: такие же веселые, как у матери, или иные? И всякий раз оставался разочарованным, да еще и высмеивал своего соседа за то, что тот не мужик. А Мария Ивановна с тихой радостью прислуживала им за столом – ужинали они теперь у них. Виктор только спать уходил в дом номер двадцать семь по улице Ласточкина. Перед сном он успевал подумать о том, что бесконечно счастлив здесь, что душа его, хотя и болит еще, обретает добрый крепкий покой, которого у него никогда раньше не было, и что его, покоя этого, хватит ему надолго или навсегда.

Раз, когда он уже вернулся от соседей и собирался пораньше лечь, в окно тихонечко постучали. Выглянул – Дарья. Виктор впустил ее. Она была очень смущена.

– Я ждала, когда стемнеет, – пояснила она, – чтобы не увидел никто. Да и Мариванну доила. Мы по очереди доим, то я, то мать. Сегодня моя очередь. Мариванна к нам обоим привыкшая.

– Обеим.

– Да она любому человеку даст подоить, у нее характер покладистый. Знаешь, сколько ей лет? Больше десяти. Мы ее из-за характера и держим. Вот у соседей наших – у них даже хозяйку лягает. Муж копыто заднее веревкой обвязывает и держит так, пока жена доит. А иначе нельзя. Сколько раз она у них ведро переворачивала. А вот наша Мариванна – она нет, стоит себе смиренно. Только вот обиделась она на нас, что мы теленочка ее закололи. А что делать – нам деньги нужны и без мяса голодно. У меня были кое-какие сбережения – пока с мужем жила, хватило ума отложить, как в воду глядела прямо, – тут Дарья слегка замялась, поняв, видимо, что про мужа упоминать не стоило, но уж слово не воробей, и она зачирикала пуще прежнего: – Я сама от него ушла, не пара мы с ним. Он поспать любит, я рано встаю...

Вдруг Дарья мгновенно сошла с лица и обиженно добавила:

– А вы, Виктор, не думайте, что вы бесплатно мне отопление меняете. И не думайте, что я вот так вот расплачусь! Нет! Я деньгами отдам, как нормальный человек!

Виктору надоело, что она болтает, и он поцеловал ее. До чего же она ароматная, хотя и не юная уже – взрослая тридцатилетняя женщина. На секунду Виктор оторвался, чтобы посмотреть, как Дарья отреагировала, и увидел, что она поплыла, опьянела тут же. Мужчина подумал о том, что целуются они как раз на том месте, где много лет назад повесился, глядя Марии Ивановне в глаза, Егор, и поспешил углубиться с Дарьей в комнату, к кровати поближе – ему не терпелось взглянуть на сиськи, на ощупь они ему понравились очень. Но, когда он расстегнул пуговицы, увидел, что грудь Дарьи ни на что не похожа: ни на поросенка, ни на крысиную мордочку, ни на яблочко – обычная женская грудь, скорее не для мужской ласки, а для кормления младенца. И Виктор понял, что Дарья не станет его любимой женщиной, женой, пусть и считает Григорий, что она не блядь и не сука, а Марья чистой воды. И Виктор, хоть и был не младенцем, а мужиком, нырнул в межгрудье и, себя не помня, принялся жадно целовать и тискать, ощутил, как же там мягко и тепло, и до смерти захотелось ему молока грудного, которого он никогда не пил. Откуда-то издали слышалась музыка, долго, нудно, и голос Дарьи: «Ответь, ответь, а вдруг это важно». С трудом оторвался Виктор от груди ее и потянулся к телефону. Ответил не глядя:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.